

A vibrant, painterly illustration of a young woman with long, flowing red hair, wearing a green dress with a white floral pattern. She is running joyfully down a cobblestone street in a European-style town. In the foreground, a large, fluffy grey cat with yellow eyes is walking towards the viewer. The background features historic buildings, a church with a red-tiled roof and a clock tower, and a bright blue sky with a few birds. The overall mood is magical and whimsical.

Эля Рин

ЛЮБОВЬ,

ВЕДЬМА И КОТИКИ

Эля Рин

Любовь, ведьма и котики

Серия «Драконы и фамильяры»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68635261

Любовь, ведьма и котики: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-178641-0

Аннотация

Юная ведьма Женечка приезжает в Петербург, чтобы присмотреть за котом сестры. Казалось бы, что тут может быть интересного, кроме экскурсий, вкуснейших булочек и ведьминского шабаша? Однако все меняется, когда Женя случайно проходит кастинг в шоу, где главный приз – сердце (и деньги) миллионера. Тайны, погони, новые друзья и враги, а еще... самый вредный в мире великолепный кот! Вот что с ним делать?

Легкий, смешной, увлекательный текст про самую безбашенную ведьму!

Содержание

Пролог,	5
Глава 1,	9
Глава 2,	31
Глава 3,	48
Глава 4,	71
Глава 5,	109
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Эля Рин

Любовь, ведьма и котики

© Рин Э., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Пролог, в котором с крыши очень красивые виды

– Правильно ли я понимаю, – прищурился Сигизмунд, – что ты собралась лезть на купол Исаакиевского собора? На ночь глядя. В самодельном платье из зеленой гардины. В туфлях на шпильках. Для того, чтобы там станцевать жаркое танго с юристом твоего так называемого возлюбленного?

– Да! – радостно кивнула я.

– А ты понимаешь, Евгения, насколько это поведение безответственно? – Когда Сигизмунд злился, в глазах у него появлялись зеленые молнии, а шерсть вставала дыбом и натурально искрила. Сейчас, по ощущениям, разрядов хватило бы, чтобы запитать электростанцию среднего размера.

– Ладно, – притворно вздохнула я. – Ты прав. Надену туфли без каблучков.

– Угу. Это, конечно, радикально изменит ситуацию.

– Конечно! Так у меня гораздо меньше шансов свалиться, чудом уцепиться за край крыши, болтаться там и испортить тебе мирный ночной сон...

Сигизмунд показательно закатил глаза.

– ...Ведь тогда твоему великолепному котейшеству пришлось бы организовывать спасательную операцию, пить ва-

лерьянку и волноваться.

– Делай как знаешь, – ледяным голосом ответил Сигизмунд, медленно встал и показательно удалился на балкон.

А я нарезала бутербродов, натянула платье – надо же его проверить в деле перед конкурсом костюма! – покрепче застегнула шнурки на кедах и пошла.

– Ммммяу? – спросила Джу, когда я зазвенела ключами, открывая дверь.

– Сегодня тебе придется остаться на хозяйстве.

– Мфффф! – мол, ничего себе заявочки. А если я не хочу?

Я присела на корточки, обняла Джу и нежно потерлась носом о серый полосатый лобик. Потом почесала ее за ухом и твердо сказала:

– Нет. Прости, сегодня я никак не могу тебя с собой взять. Там будет... неважно. Просто не хочу, чтобы нас рассекретили по всем фронтам. К тому же вон Сигизмунд в плохом настроении... надо за ним присмотреть и проконтролировать, – прошептала я и тут же оглянулась, не слышит ли Сигизмунд. А то за такую формулировку мог бы и лапой отшлепать, с него станется.

– Мрр, ну ладно, уговорила. Только возвращайся целой и невредимой, хорошо?

– Хорошо! – ответила я и побыстрее выскользнула за дверь, чтобы Джу меня не раскусила. Еще пару мгновений, и она бы точно почувствовала, насколько сильно я нервничаю.

Через час я забралась на купол Исаакия с последней пор-

цией туристов. Отвела чужие взгляды в сторону, подобрала длинный подол платья и перелезла через ограждение. Так, еще несколько шагов вдоль парапета – только не смотреть вниз, только не смотреть! – завернуть за угол и устроиться в укромном закутке между строительными лесами. Вечно тут что-то улучшают, переделывают и восстанавливают... идеально для того, чтобы прятаться.

Ожидая наступления ночи, сначала я прочитала все мессенджеры и ленты друзей в соцсетях, этого хватило на пару часов. Потом достала из сумки маленький термос с чаем и бутерброд с колбасой. Откусила и зажмурилась от удовольствия. Вот почему иногда приходишь в дорогой пафосный ресторан, цены как в космосе, обслуживание такое, будто ты шейх арабский и Маргарет Тэтчер в одном лице, блюда сложные и вроде интересные... но все равно не цепляет? А тут докторская колбаса самая обычная, батон из супермаркета, чай из пакетиков... Однако вкусно до головокружения.

Наверно, все дело в декорациях.

На Петербург опускалась белая ночь. Краски вмиг поблекли и выцвели, а перистые облака стали серебристо-сиреневыми, как будто по небу проехала повозка призрачного цветочника, и он растерял по дороге все звездные ирисы. Здания теперь казались вырезанными из белой бумаги силуэтами. На них то тут, то там загорались янтарные ожерелья окон. Изредка сильный порыв ветра приносил мне обрывки разговоров и смех снизу, с тротуаров и набережных. В на-

чале июля Петербург не засыпает на ночь. Наоборот. Город просыпается, а мафия...

– Доброй ночи. – Вадим подкрался пугающе незаметно.

Я вздрогнула и уронила бутерброд. И почему-то ужасно расстроилась. Хотя расстраиваться надо было бы по совсем другому поводу.

Отряхнула пальцы от крошек и поднялась на ноги. Сдержанно кивнула, пытаясь не показать волнения.

– Доброй.

– Скажите, Евгения, вы всегда назначаете встречи в таких... ммм, необычных местах?

– Не всегда. И не всем.

– Чем же я заслужил такую честь?

– Тем, что не задавали лишних вопросов и сумели сюда подняться.

– Но это было уже после приглашения...

– Я это предвидела.

– Надо же, – он усмехнулся. И я готова поклясться, в этот момент его глаза изменились: из темно-зеленых превратились в стальные, серые. Под цвет пыльных сумерек. – Так зачем я вам понадобился?

Я закусила губу. Пока еще не поздно отговориться, свести все к шутке, соврать...

– Мне кажется, что вы хотите меня убить. Я хочу знать, зачем вам это понадобилось.

Глава 1,

в которой мы едем

вместо того, чтобы лететь

С самого утра я проводила раскопки в шкафу. Уже успела добраться до третьего культурного слоя: вещей, о существовании которых еще помнишь, но уже смутно, смутно. Нет, я точно знала, что оно должно быть здесь! Такое потрясающее, зеленое и в цветочек, а еще к нему салатовые босоножки с бантиками... Ааа! Да куда ж они подевались!

– Женечка, – крикнули мне из коридора. – Ты знаешь, что Жучка снова жует бегонию?

– На здоровье, – буркнула я, остервенело закапываясь в джинсовые дебри. Та-а-ак, синие джинсы, еще одни синие, темно-синие с начесом, черные... О домовой! О божество этого шкафа! Ну дай же мне знак! Где мои летние шорты? Где мои художественно рваные сиреневые штаны?

Тут рядом кто-то весело засопел.

– Явился не запылится, – пробормотала я. – А раньше где был?

– Вообще-то запылится, – несколько обиженно ответил домовый и показательно чихнул. – В гости ходил.

– Нашел время.

– А вчера собрать вещи нельзя было?

Я возмущенно фыркнула. Как известно, заранее собираются слабаки. Истинные леди делают это в день отъезда, устраивая хаос и разрушение.

– Жень, с кем ты там разговариваешь?

– Сама с собой! – крикнула я в ответ, нащупала что-то похожее на шорты, рванулась на волю раз, другой и вывалилась из шкафа с победным воплем. Сверху упало еще две вешалки, три зимние куртки и пакет с отверженными вещами. Это те, которые давно пора отдать, но жалко, вот они регулярно и валяются всем на голову.

– Ого! – На пороге комнаты появилась Лара и застыла с выражением легкого ужаса на лице. – А... а ты что, на экзамен не идешь? Или...

Лара – это моя соседка по квартире.

Она страшная зануда.

Вечно копается в себе, думает, как бы поступить как правильно, если хочется поступать как хочется, не любит веселого движняка и принципиально не замечает ничего, что противоречит ее картине мира. То есть понятия не имеет, что в шкафу у меня живет домовой, что две наши кошки – настоящие волшебные фамильяры, а я умею летать на метле. Нет, Ларе все это не важно.

А вот какой-то дурацкий экзамен – это важно.

– Ой-ой, – я притворилась, что расстроилась. – Слушай, реально забыла. Думала, что он был вчера.

– Как он мог быть вчера, если ты на него не ходила?

– А вчера я думала, что он сегодня!

– Женька! Ты мне зачем зубы заговариваешь? – подозрительно прищурилась Лара.

– Чтобы они у тебя не болели!

– Так они и не болят...

– Это как раз потому, что я их заговариваю!

– Тьфу! С тобой невозможно...

Все, все так говорят. Что со мной невозможно серьезно разговаривать. Как будто «серьезно» – это какая-то высшая ценность. Как будто ее надо холить, лелеять, укладывать спать, уютно подтыкать одеялко и поить теплым молочком. Брррр. Уж лучше я домовому молочка налью. Он теплый, смешной и мило сопит. А «серьезно» как-нибудь без меня обойдется.

– Слушай, – я показательно тоскливо посмотрела на несобранный рюкзак. – Можешь сказать преподу, что я заболела и сдам когда-нибудь потом? Ну, пожа-а-а-алуйста...

– Когда это «потом»?

– Когда вернусь из Питера.

– Так и сказать, что ты заболела и поехала туда лечиться?

– Ну, Ла-а-а-ар...

– Ладно, придумаю что-нибудь, – вздохнула она. – Ты действительно едешь в Питер?

– Угу. Скоропостижно. То есть внезапно. К сестре.

Нет, ежу понятно, что Лара обиделась. Мы обычно предупреждаем друг друга о своих планах заранее. От них же

зависит вся эта дурацкая рутина... кто за свет заплатит, кто за воду, чья очередь уборку делать в эту пятницу... Чур, не моя! Но вчера Лара пришла поздно, а позавчера не до того было, а позапозавчера как раз позвонила сестра. И зашла с козырей...

Тут Лара еще раз скептически окинула взглядом разгром, царящий в моей комнате, и спросила:

– Надолго?

– Недели на две. Или на месяц. Как повезет... – я задумалась. – Ну, или всего на пару дней, а потом вернусь с позором. Это если не найдем общего языка с Сигизмундом.

– Сигизмунд – тот, который свежий муж твоей сестры? У него настолько тяжелый характер?

– Нет, – от этого предположения мне стало так смешно, что я даже икать начала. – Нет, ты что. Сигизмунд – это кот.

– Представляешь, – два дня назад моя сестра чуть не плакала в трубку. – Эта авиакомпания не разрешает брать домашних животных в салон. Причем, когда мы покупали билеты, я специально смотрела правила... Специально!

– И что?

– И они их обновили! Неделю назад!

– Вот гады, – сочувственно вздохнула я. – В багажном отсеке ты его, конечно, не решишься везти...

– В багажном отсеке? Трансатлантическим рейсом?!

– Тихо-тихо. Это было не предложение передумать, а констатация факта. А поменять билеты?

– Ни одного подходящего варианта! Я уже обыскалась. Мы ж и так летим с двумя пересадками: сначала в Мадриде, потом в Сантьяго. И впритык успеваем на острова... На даты раньше билетов нет. Позже... Никто нас ждать не будет. Это последний тур в сезоне.

– Да уж, – я посмотрела в потолок, вздохнула и пошла на кухню варить кофе, придерживая телефон плечом. – Твои разумные подружки небось сейчас обязательно бы заявили: «Вот видишь, сама судьба намекает, что Галапагосские острова – не лучшее место для свадебного путешествия. Все эти ужасные гигантские черепахи, дайвинг со скатами, лавовые туннели... Может, лучше в Париж?»

– Поэтому я звоню не им, а тебе.

– Логично.

– Придется все отменять. Переносить на осень. Или на зиму. Или неизвестно на когда. Артем и так чудом выкроил две недели на работе, а теперь не знаю...

– А что говорит сам Сигизмунд?

– Да как обычно! «Мяу» – и смотрит на меня так, будто все уже устроил наилучшим образом и можно ни о чем не волноваться.

Предлагать оставить кота одного в квартире я не стала. Даже с условием, что кто-нибудь будет каждый день заходить, кормить его и чесать за ухом. Я точно знала, что Инна не согласится. Во-первых, там такой характер, что можно прийти с кормом, а уйти с боевыми ранениями. Во-вторых, месяц

назад, когда они только въехали в новую квартиру, в один прекрасный, то есть ужасный, день на Сигизмунда свалилась гардина вместе с карнизом, и вечером Инну встретил очень злой, но непобежденный котэ с ушибленной лапой. Гардину он распустил просто на лоскутки. Неизвестно, чего там было больше: злосчастной случайности или желания покататься на занавеске, но факт остается фактом. Теперь сестра боялась оставлять Сигизмунда одного надолго.

Кажется, пришла пора нам познакомиться поближе.

– Помнишь, я говорила тебе, что Питер – серая громадина на болотах и непонятно, как там вообще живут люди? – спросила я, наливая себе кофе и шаря по полкам в поисках печенья.

– Было дело.

– И что в туристический сезон там вообще сумасшествие, и на Невском хуже, чем в метро в час пик?

– Угу.

– И что никогда-никогдашечки не пойму эту тему с Северной Венецией, когда есть в мире Венеция нормальная?

– Ты к чему клонишь?

– Придется мне ехать к тебе и искать подтверждения всему этому. Буду мучиться бессонницей в белые ночи, шипеть на туристов и страдать. Ужасно страдать.

– Жень... ты серьезно?

– Серьезнее некуда. К тому же у меня есть пропуск.

– Какой пропуск?

– Пропуск в мир котовой благосклонности. Я привезу с собой Джу.

– Жучку? А ты уверена... что Сигизмунд ее примет? Как бы не пришлось их по разным комнатам закрывать...

– Сигизмунд – это ж патриарх. Мастодронт. Великолепный и великий. Ему обязательно надо кого-то воспитывать и чтобы им восхищались. Так вот. Джу это умеет лучше всех на свете.

– Ты уверена?

Я опустила взгляд. Под ногами у меня сидела Джу – или, если звать полным именем, Жучка Полосатьевна – и, буквально открыв рот, с искренним восхищением наблюдала, как я строю из печенья башню. В глазах ее читалось лишь одно: «Да, да, хозяйка, ты лучший строитель печенье-вых башен во всей Вселенной! Нет, во всех известных и неизвестных Вселенных, вместе взятых!»

– Уверена.

– Тогда приедешь хотя бы за день до нашего вылета? Я тебе все покажу, расскажу и...

– Приеду, – сказала я и протянула Джу кусок курабье.

Я действительно не люблю северные города. Страстного романа у нас бы точно не сложилось. Для меня они слишком мрачные, одноцветные, дождливые, темные. То ли дело южные! Краснодар какой-нибудь или Ростов-на-Дону! Или та же Москва. Они яркие, говорливые, суматошные, всегда немного безумные, абсолютно несдержанные... Я их очень

хорошо понимаю. И люблю.

Но если присмотреться повнимательнее... Своя магия есть в каждом. Абсолютно особенная. Ее невозможно понять, когда приезжаешь туристом и шатаешься по улицам, разглядывая фасады, делая фотки и изучая советы бывалых путешественников, где тут вкусно поесть. Но если просто так выйти из дома и идти куда глаза глядят. Раз, другой, третий... Если прислушиваться к тому, о чем болтают домовые и феи, если выяснить, кто собирается на побережье в полнолуние, если посмотреть в колодец в час Быка и увидеть там потерянную звезду, можно узнать кучу всего интересного. И полезного.

В конце концов, в Питере есть редкие ингредиенты для зелий. И бесподобные булочки со сливками. Пожалуй, этих двух аргументов достаточно, чтобы начать собираться в дорогу.

И делать это, конечно, в самый последний момент...

...Мы выбежали на улицу, когда до поезда оставалось ровно сорок четыре минуты. Какой-нибудь японец в этот момент точно провалил бы мораль и решил остаться дома, раз нумерология против него. А вот мы с Джу сохранили самообладание и в итоге успели заскочить в вагон, когда «Сапсан» уже почти тронулся.

– Как так? – сказала я, пытаюсь отдышаться после забега по эскалатору, а потом по зданию вокзала. – Ну как так? Джу, ты размером с кота, а вешишь как кит! Ну... карликовый кит,

предположим, но плечо у меня сейчас просто отвалится!

– Мяф! – ответила Джу и чихнула. Надо сказать, что даже чихать она умела с искренним восхищением.

К тому моменту, как я добралась до своего места в поезде, Джу уже удобно устроилась в переноске, прикрыла нос хвостом и заснула. За каких-то пять минут. Нет, все-таки у меня самое флегматичное в мире котэ. Самое сонное, плюшевое и невозмутимое.

Существует заблуждение, будто фамилляр есть у каждой ведьмы в обязательном порядке. Черта с два! Большинство ведьм терпеть не могут, когда им сопят под руку, суют нос в котел с зельями или валяются на свежесобранных травах. Можно, конечно, любое живое существо запугать настолько, что оно будет ходить по струнке, или зачаровать так, что оно потеряет полностью свободу воли и будет просто красиво сидеть в уголке. Но, сорри, это уже нельзя назвать фамильяром. Это марионетка, кукла, пустая оболочка. Ее отличие от плюшевой игрушки лишь в том, что тешить жажду власти приятнее на условно живой твари.

Бррр. Никогда не понимала такого.

А у настоящего фамильяра есть характер, желания, маленькие – и большие! – придури, а также свое мнение почти по каждому вопросу. И, заводя его, стоит это учитывать.

Но я ни секунды не сомневалась, когда отправлялась за котенком. Терпеть не могу одиночество. Днем и ночью, утром и вечером, наяву и во сне мне нужен тот, с кем можно

потрындеть о жизни. Подруги, друзья и любовники имеют предел прочности, так что необходимость фамильяра налично.

С детства я привыкла, что всегда можно поболтать с сестрой. А когда выросла и научилась чувствовать души, то поняла, что в одной из прошлых жизней она была кошкой. Так что вопроса о том, какое именно животное или птицу выбрать, тоже не стояло.

С первым фамильяром вышло... немного неловко. Пока кошка Мышка была маленьким неразумным котенком, она с удовольствием прыгала за бантиком на веревочке, гуляла со мной по крыше и слушала безумные истории. А вот когда выросла побольше, оказалась жутко скучной. Пихала меня лапой, когда я говорила глупости, бесконечно нудела, чтобы я обновила защитные знаки над дверью, строила возмущенные глаза при виде очередного горячего красавца, а потом научилась делать лапой фейспалм. Воу-воу. Еще поборницы морали мне дома не хватало! Я уже начинала думать, что это такая специальная насмешка судьбы, проклятие, которое придется тащить через всю жизнь, гейс в виде укоряющей кошки... Но тут Мышка проявила мудрость и просто ушла к соседке по квартире.

И зажили они с Ларой в гармонии.

Занудные, как жвачка со вкусом скучной рутины.

Поэтому год назад второй раз закинул старик в море невод... то есть я пошла за новым котенком, а вернулась с

Жучкой. Или сокращенно Джу. И зажили мы душа в душу. Она спит за двоих, восхищается за двоих, довольна жизнью за двоих, бранные слова не употребляет, ушки плюшевые, не фамильяр, а мечта. А главное, к ней можно прийти с любой идеей, и она ее одобрит.

Пошли ловить лягушек на болоте? – Мяф!

Давай есть жареных скорпионов? – Мяф!

Сейчас я испытаю на тебе новую притирку для красоты! – Мяф!

Если я отравлюсь, то противоядие во-о-о-он там! Мяф!

Давай придумаем шалость? – Мяф!

И так далее.

Лишь две слабости есть у Джу. Чужие комнатные цветы (чтобы их есть) и взбитые сливки (чтобы их жрать, урча и подрагивая, как мини-модель сливкоуборочного трактора). А, и еще она терпеть не может, когда на нее наезжают без повода. Или почти без повода... В принципе, так же, как и я.

Вот как сейчас, например:

– Девушка, вы вообще о других людях думаете? Зачем вы мне под ноги свои вещи ставите?

Угу. «Под ноги» – это значит переноска с Джу занимает пару сантиметров пола под соседним креслом.

– Ой-ой, что вы говорите! Какой ужас! А ваш чемодан сейчас с багажной полки свалится, потому что вы его запихнули туда кое-как. Небось тоже о других людях не думали?

– Откуда вы знаете, какой там мой чемодан?

Я применила дедукцию, как Шерлок Холмс... Нет, слишком умно.

Я с-с-с-следила за тобой, чтобы умыкнуть из чемодана твою душу и убежать с ней в зака-а-а-ат... Нет, слишком пафосно.

Я просто наблюдательная... Нет, слишком просто.

Нет, реально, а чей это может быть такой гигантский чемодан в модном чехле, если ты сидишь тут с сумочкой от Луи Виттон, в показательно леопардовой юбке, сделанными губами и отсутствием мысли на лице?

– Интуиция, – мило улыбнулась я. – Пропустить вас в проход?

– Зачем?

– Через минуту он свалится. А вы – тут как тут.

– Вы прикалываетесь?

Вот так всегда. Ты будущее подглядела, не свое причем, а люди не ценят.

– Как хотите.

Три, два, один... Бам! Ох, с каким же грохотом он свалился!

– Мяу! – сказала Джу, перевернулась на другой бок и снова заснула.

– Сволочь! – пискнула соседка то ли по поводу падения, то ли по поводу меня, такой приятной предсказательницы. А потом бесконечно трогательно суетилась вокруг чемодана со своими длинными ногтями, каблуками-шпильками, вы-

ученной беспомощностью и глазами олененка Бэмби. Я даже восхитилась где-то глубоко в душе. Этот бы перформанс да в мирных целях.

В итоге на помощь явилось целых шестеро мужчин. Водружали чемодан на место, ужасались, развлекали прекрасную даму разговорами и всячески намекали на продолжение приятного знакомства. Однако вместо того, чтобы отправиться в вагон-ресторан пить кофе в приятной компании, леопардовый Бэмби плюхнулся на свое место рядом со мной и вдруг тихонько сказал:

– Спасибо.

Вот это было неожиданно. Глядя на своих понтовых богаченьких однокурсниц, я как-то привыкла, что из девиц подобного рода ни «спасибо», ни «пожалуйста», ни снега зимой не допросишься. Все-то им должны. Все-то им обязаны.

Вот так шаблоны и ломаются.

– Всегда пожалуйста, – машинально ответила я.

– Все-таки... не могли бы вы отодвинуть переноску от меня подальше? Просто я ужасно боюсь кошек.

Опа! Вот это поворот. Я даже сначала посмотрела на спящую Джу через сетчатую стенку переноски, чтобы проверить, уж не превратилась ли она за последние пару минут в злобного манула. Или пантеру. Или даже тигра. Маленького такого тигра, на минималках, чтобы уместился под ногами в сидячем вагоне. Однако Джу все еще оставалась такой же sereneшкой, плюшевой, инстаграмоугодной кошечкой.

– Ммм... Хорошо. – Я потянула переноску на себя. – А зачем вы тогда покупали билет на места с животными?

– Так я не знала, что они с животными! За пятнадцать минут до отхода поезда это был единственный билет!

– И в бизнес тоже не было?

– На бизнес я не зарабатываю... Пока.

А на Луи Виттон зарабатываешь. Вот ведь как противоречива жизнь.

– Если что, Джу не кусается. И не царапается. Она там всю дорогу и проспит, скорее всего.

– У меня иррациональная фобия, – пискнула соседка, и шаблон от такой формулировки окончательно треснул по швам. – Но все равно спасибо.

Помолчала немного и добавила:

– Я Барби.

О, спасибо тебе, дух железных дорог! Ты все же послал мне разговорчивую попутчицу! А то я сначала успела испугаться, что будет всю дорогу презрительно глядеть на нас с котэ и слова доброго не скажет.

– А я Женя. Барби – это от «Барбарелла»? Или...

– Это от «Варвара», – сморщила нос соседка. – Но мне не нравится. Вся эта посконно-русская тема с красой и длинной косой... Не мое.

– Гляжу, от косы вы избавились.

У Барби было аккуратное блестящее каре, из которого не выбивалось ни волосинки. Я вот на своих кудрях такого эф-

фекта не добьюсь, даже если буду двадцать четыре часа в сутки проводить с плойкой и феном в обнимку.

– Да. Еще в старшей школе как-то пришла домой, взяла ножницы и сама отрезала.

– Сильный поступок.

– Мне нравится решительно действовать. – Она мечтательно прикрыла глаза. – Сегодня с утра я тоже решила, что теперь у меня будет совсем другая жизнь.

– В другом городе?

– Посмотрим. – Барби улыбнулась. – Я прошла кастинг и поняла, что этот шанс просто нельзя упускать.

– Что за кастинг?

– Смотрели «Любовь на вылет»? Уже три сезона было на ТНТ...

– Нет, – я покачала головой. – Не смотрю телевизор.

– Совсем-совсем? – удивилась Барби. – Но как?

– Времени нет. – Я уже давно поняла, что если делаешь что-то, совсем непонятное собеседнику, то не стоит говорить о реальных причинах. – Учеба, работа, то да се... Как-то не получается.

– Коро-о-о-оче, – просияла она. Видно, мы нашли друг друга. Я готова была послушать, а она очень хотела похвастаться. – Самое крутое реалити-шоу последних лет! Туда приглашают миллионера, обязательно холостого, красивого и интересного, и он выбирает себе невесту. Кастинг проходят пятьдесят девушек, за месяц испытаний остаются пять,

потом финал... Съёмки в таких шикарных местах! Все эти роскошные бизнес-центры, дворцы вокруг Петербурга, пятизвездочные отели, балы, приемы светские... И задания участницам дают такие, с изюминкой... Не просто по подиуму пройти, бедрами повилиять. Мне как раз это надоело. И я загадала – если пройду туда кастинг, то обязательно выиграю! Обязательно-преобязательно. И не придется больше для каталогов интернет-магазинов фоткаться...

– Унылое дело, да?

– Ужасно! По двенадцать часов в каком-нибудь офисе в бывшей промзоне, по пять минут на комплект одежды, потом переодеваешься, там прищепкой подколола, тут оборку подтянула, и погнали. Перерывы по пять минут раз в четыре часа. И выбираешь такая, что сделать, покурить или в туалет сбегать.

– Короче, реалити-шоу во дворце явно круче.

– Именно! Даже если с миллионером не сложится... Лицом в телевизоре посвечу, с нужными людьми познакомлюсь, и призы в финале классные! Машины, квартиры...

– В него еще надо попасть.

– В кого?

– В финал.

– Пф, – усмехнулась Барби. – Уж я-то попаду. Если только там не будет заданий с кошками, точно попаду.

– Желаю удачи, – улыбнулась я. – Сложный был кастинг?

– Ой, вообще несложный. Просто необычный. Сначала по

внешности отсеивают... Там миллионер сразу дает список, что ему не нравится. Причем этот список никому не показывают. Даже не угадаешь, на что смотрят. А потом задают вопросы.

– Сколько будет дважды два?

– Не-е-е-ет... С подковыркой. Меня вот спросили, что общего у ворона и письменного стола.

– Ого! И что вы ответили?

– Because Poe wrote on both¹.

– Yay!

Барби прищурилась:

– Да-да, я из тех, кто хочет одновременно и к умным, и красивым.

– Это я уже поняла.

– Последние три года моделью работаю, и хочется уже чего-то нового. А тут мне список заданий на шоу прислали. Видно, что в этом сезоне миллионеру точно дурочки не нужны.

– Искал бы тогда уже в Оксфорде. Или он, как Винни-Пух, хочет и того, и другого, и можно без хлеба, а еще в шоу попиариться?

– Наверно, ему просто скучно стало жить, – зевнула Бар-

---

¹ «Что общего у ворона и письменного стола?» – загадка Шляпника из «Алисы в Стране чудес». На русском языке она не имеет отгадки, потому что у нас нет такой игры слов, которая бы соответствовала оригиналу. А фраза, которую говорит Барби, – это разгадка, придуманная в свое время Олдосом Хаксли. Переводится как «Эдгар По писал на/об обоих».

би. – Вот он и решил развлечься.

Через четыре часа мы с Барби перешли на «ты», обменялись любимыми рецептами алкогольного и безалкогольного мохито, а также обсудили такие волнующие темы, как джинсы-скинни, белковые диеты, тик-ток, тайское манго, последний фильм Бондарчука и роль матерной лексики в творчестве Оксимилона. Все это время Джу проспала, лишь изредка позевывая и приводя этим мою соседку в состояние острого ужаса. Правда, как я ни пыталась выведать, в чем причина такого отношения к кошкам, Барби отвечать не желала.

Иррационально – и все тут.

Перед расставанием на вокзале я даже подумала, не обменяться ли контактами – очень люблю разносторонних собеседников! – но потом прикинула, что во время съемок шоу у Барби точно не будет времени встречаться со мной, а потом еще неизвестно, кто в каком городе будет. Некоторые в наше время, конечно, называют общением редкие сообщения в соцсетях, но по мне, так это суррогат. Все равно что жареный тофу против котлеты по-киевски. Кого-то устроит и первый, но мне подавай вторую.

Когда мы вышли из вагона, на секунду мне показалось, что Барби тоже хотела обменяться номерами, но потом она скомканно попрощалась, залипла в телефон и убежала вдаль по платформе, постукивая каблучками. Даже удивительно, как ей удавалось двигаться так быстро с огромным чемода-

НОМ.

– Ну что, – сказала я, вытащила Джу из переноски и усадила себе на плечо, чтобы та осмотрелась в свое удовольствие. – Приехали!

И медленно пошла вдоль состава, чувствуя каждой клеточкой тела настороженное внимание Северной столицы.

Несмотря на то что вечерний воздух был еще теплым, я чувствовала, что его пронизывают ледяные струны. В отличие от Москвы, тут сама душа города была жесткой, ершистой, кристаллической. Она имела четкую структуру и пыталась нанизать всех живых и неживых существ на эти незримые линии, которыми и была нарисована.

Я прикрыла глаза и на секунду представила, как будто иду по хрустальному лабиринту. Очень красивый образ, но... как-то безысходно, что ли? Я дернула плечом, чувствуя, что начинаю замерзать.

– Мяфф? – Джу покрепче уцепилась коготками за воротник свитера. – Мр?

– Давай сначала немного пройдемся куда глаза глядят, а потом уже в метро и к Инне... Хорошо?

– Мр.

– А еще тут такие булочки со сливками есть...

– Мьяааа! – мол, что же ты молчала? Бежим-бежим-бежим, где их дают?

Булочная нашлась тут же, на вокзальной площади. Джу получила свою законную вкусность со сливочной начин-

кой, а я взяла стакан кофе навынос и белковую трубочку. Несколько минут мы посвятили веселому чавканью и прочим чисто животным, низменным наслаждениям, а потом я набрала Инну.

– Командуй, куда ехать?

– На Горьковскую. Там минут семь от метро... Если хочешь, я могу тебя встретить.

– Нет-нет, мы сами. Ты ж знаешь, я люблю ходить по незнакомым местам.

– Только не заблудись.

– В таком случае тебе придется выпускать поискового Сигизмунда.

– Боюсь, он не оценит.

– Да? А мне кажется, ему, наоборот, понравится...

Потом мы спустились в глубокое-преглубокое и очень людное по вечернему времени метро. Доехали до Горьковской, вышли наружу в какой-то парк, и тут мне вдруг захотелось летать. Ух! Если ведьме хочется летать, то это к добру. Ей либо хорошо и спокойно, либо колесико судьбы поворачивается в правильную сторону, она сама еще этого не поняла, а настроение уже улучшилось. Я покачалась с пятток на носки, сунув руки в карманы и поглядывая на кроны ближайших деревьев. Там виднелись птичьи гнезда, шептала листва, а озорной ветер дергал ветки за шевелюру. Хвать! – и лететь прочь. Хвать! – и через миг танцевать в соседней кроне. Местный ветер был смешливый, легкий и соленый, с

запахом моря.

Еще где-то вдали орала чайки и слышалась громкая музыка. А потом – бум! – раздался пушечный выстрел. Я аж на месте подпрыгнула так, что Джу чуть не улетела с плеча.

– Мяу! – возмутилась она и запустила когти мне под ключицу.

– Испугалась? – Я взяла ее на руки и обняла, прижав к груди. – Прости. В нашем-то приличном городе из пушек среди бела дня, то есть вечера, не стреляют. Нет у меня привычки к таким развлечениям.

– Мя.

– Не бойся. – Я погладила ее по щеке. Почесала подбородок. – Это они небось по воробьям палят.

И мы пошли по Каменноостровскому проспекту, разглядывая серые дома, вынюхивая летние запахи, высматривая испуганных воробьев и составляя список подворотен, куда обязательно надо будет наведаться. Потому что там явно пряталось что-то интересное. Или кто-то.

Город настороженно ко мне присматривался.

То тут, то там виднелись следы городских эльфов, почти в каждом окне горел огонек теплой магии домового, черные кошки сидели на перекрестках, вылизывая лапы с независимым видом и сканируя обстановку. В некоторых местах волшебства было столько, что я даже удивлялась – как это прохожие его не чувствуют. Ну, невозможно же. Это все равно что влезть в самый центр фейского круга и оставаться в аб-

солютном спокойствии. Но люди спешили по делам, гуляли, болтали... а волшебство оставалось где-то в стороне. Было им побоку. До лампочки.

А потом мы нашли нужный подъезд, поднялись по лестнице на четвертый этаж, расцеловались с Инной... и тут в прихожую прошествовал Сигизмунд.

Вздохнул и посмотрел на меня с абсолютно уничижительным выражением.

«Все я о тебе знаю, – как бы говорил кошачий взгляд. – И ничего хорошего от тебя не жду».

Глава 2, в которой его великолепное котейшество слишком великолепен для этого мира

Следующее утро было солнечным и суматошным. Инна жарила сырники, я сидела на подоконнике, подвернув под себя ногу, Джу задумчиво жевала лист фикуса, а Сигизмунд показательно на кухне не присутствовал.

– Кошачий корм в кладовке, во-о-он там, воду лучше менять раза три-четыре в день... Но если вдруг не получится, ничего страшного. Сигизмунд умеет забираться на раковину и открывать кран.

– Самодостаточная личность!

– В кафешке за углом вкусные завтраки, но мы на всякий случай закупили кучу заморозки, в шкафу пакет с выпечкой – как раз сегодня утром привезли! – продукты на полке...

– Инна-а-а-а... Ты ж меня оставляешь не на необитаемом острове с задачей выжить, протянув год на непополняемых припасах. Все будет в порядке. Я умею готовить. И даже мыть за собой тарелки!

– Вот это да! Жестко с тобой обошлась Москва!

– И не говори, – кивнула я, потянула носом и слезла с под-

оконника.

Все-таки абсолютно невозможно невозмутимо смотреть, как на огромном блюде растет гора сырников, а рядом стоит банка с малиновым вареньем и сметана.

– Я только попробовать!

– Да бери сколько влезет на здоровье.

– А как же вы с Артемом?

Инна в ответ засмеялась:

– У нас кто когда хочет завтракать, тот тогда и ест. Хотя в час дня. Артем отсыпается перед дорогой, потом в самолете будет сидеть как сыч и смотреть кино. Заедая холодным сырником. А я сначала на тебе проверю, вкусно ли получилось, а потом уже сама – с чувством выполненного долга.

– Ну, как знаешь. – Я атаковала один сырник, затем второй, и оба очень быстро пали в неравной борьбе, оставив на тарелке разводы розовой малиновой крови.

Джу в это время изображала, будто она совсем не голодная, но на самом деле немного волновалась, что ее будут ругать. Проснувшись первой, она успела отыскать все домашние цветы в этом доме. И все попробовать на зуб.

Не знаю, куда смотрел при этом Сигизмунд.

Как меня прессовать уничижительным взглядом, так он в первых рядах.

А как продемонстрировать юной флорофилке законы чужой квартиры и пресечь преступление на корню, так он где-то спал небось.

– Так... – Инна уставилась в потолок, беззвучно шевеля губами. – Пароль от вай-фая я тебе дала, пульты от телика и приставки в шкафу рядом с дисками, одни ключи у тебя, вторые у консьержки, в субботу, в десять утра, будет клининг... Будь в это время дома, пожалуйста, а то Сигизмунд их терпеть не может, мало ли...

– Слушай, – спросила я, – а он хоть что-нибудь любит?

– В смысле?

– Мы, конечно, еще не слишком близко знакомы... – я сделала паузу, тщательно подбирая слова. Надо было сформулировать как-то так, чтобы и факты не исказить, и сестру не обидеть. А то ее любовь к этому меховому патриарху была нашей семейной притчей во языцех. – Но он такой... все время порицающий. И вживую, и в твоих рассказах. То он не одобряет, это не любит. Поэтому интересуюсь, чем радовать котю в твое отсутствие.

Инна усмехнулась:

– Слушай, у него философские радости. Не мешай Сигизмунду лежать на подоконнике, не занимай его балкон, не задавай лишних неудобных вопросов, и уверяю – он будет просто счастлив.

– Счастье с приставкой «не».

– В смысле?

– В смысле, от противного. Не делай то и это – и успех обеспечен. Самый легко достижимый тип счастья.

– Ага.

«И самый легковесный», – подумала я.

Ладно. Ценные указания от сестры я получила. Теперь осталось только пообщаться с самим Сигизмундом. То, что разговор нам предстоит серьезный, я ни капельки не сомневалась.

Он знал о том, что я ведьма. Сто процентов.

Он точно заранее составил представление о моем характере.

И он обязательно будет расспрашивать меня о намерениях...

А вот тут вопрос, что именно ему отвечать. Не всю правду, не совсем всю правду или почти всю неправду.

Накануне вечером, когда мы с Инной сварили горячий шоколад и несколько часов подряд болтали о жизни, делясь кусочками историй, смешными случаями и воспоминаниями, Сигизмунд очень внимательно слушал. На «главной сцене» рядом с диваном его не было видно, но из-за кресла торчали очень, очень внимательные уши. И меня они смущали гораздо сильнее, чем Артем, с которым мы до этого момента виделись всего несколько часов – собственно на свадьбе. Он очень подходил Инне, они вообще похожи были на удивительно четко сошедшиеся детали пазла, и я даже на секунду засомневалась – не приворот ли. Настолько они были синхронны.

Но никакой зловредной магии или следов зелья не чувствовалось.

Видимо, просто повезло.

Встретились две половинки одного целого в этом огромном мире.

Да. Просто повезло.

Меня даже на секунду пронзила иголочка зависти, которую я вмиг осознала и тут же отшвырнула в сторону куда подальше. Еще чего не хватало. Родной сестре завидовать. Она же не виновата, что я влюбчивая, как ворона, и падкая до внешнего блеска, как сорока. Кидаюсь на все сверкающее, а потом быстро разочаровываюсь и остываю. И тут же отправляюсь искать новую «блестяшку». Но, кстати, не сказать, что эти поиски меня утомляли... Наоборот, казались забавными.

– Эй! – Инна помахала ладонью у меня перед глазами. – Чего задумалась? Чай будешь или кофе?

– Кофе, – кивнула я. – Гигантскую кружку. Город засыпает, Женя просыпается.

Когда приехало такси, мы вместе спустились вниз. Инна хотела познакомить меня с консьержкой, а я – как можно сильнее оттянуть момент разговора с Сигизмундом. Вечно со мной так происходит: смело решаюсь на какую-нибудь авантюру, а потом, когда осознаю грядущие сложности и щекотливые моменты, начинаю трястись, переживать и волноваться. Но не отступаю. Потому что отступать – это для слабых.

Марфа Пантелеевна оказалась суровой ворчливой стару-

хой, которой идеально подошла бы роль вахтерши общежития в советское время, а вот в качестве современной консьержки интеллигентного сталинского дома в центре Петербурга ее довольно сложно было представить. Но поди ж ты. За пару минут я узнала, что тут нельзя хлопать дверями, сомнительные компании водить запрещается, уличных животных не прикармливать, код от подъезда – простите, парадной! – непроверенным курьерам не давать, и вообще. Надо вести себя прилично. В процессе этого монолога Инна задумчиво смотрела на потолок. А дождавшись паузы, быстро кивнула старушенции и вытащила меня за локоть на улицу. Хотя я только-только собралась открыть дискуссию о том, как определяется степень сомнительности компании и как именно надо проверять курьера. И на что его проверять.

– Опять Марфа жизни учила? – поинтересовался Артем, запихивая пузатый рюкзак в багажник такси. – Это вы, прекрасные барышни, будите в ней лучшие чувства. Даже, возможно, материнский инстинкт.

– Упаси небо, – пробормотала Инна. – Тебя она небось не трогает.

– Не считает достойным объектом для душевных излияний. Ну что ж... Приходится как-то с этим жить.

Я обняла на прощание Инну и протянула руку Артему.

– Хорошей вам дороги.

– Спасибо!

– Покатайтесь там за меня на черепахе и погладьте пинг-

вина. И шлите фото.

– И ты тоже шли!

– Обязательно...

Такси уехало, а я осталась стоять. Медленно прислонилась к шершавой стене дома, не задумываясь о том, как после этого будет чувствовать себя белая футболка, сунула руки в карманы джинсов и принялась оглядываться по сторонам. Сначала ничего не происходило. По мостовой шелестели шины автомобилей, прохожие шли медленно и будто пританцовывая – совсем не так, как в Москве, с карниза дома напротив на меня настороженно глядела ворона, поводя туда-обратно клювом. Пахло слойками с корицей, призраком ночного дождя, чуть-чуть – цветами, чуть-чуть – рекой, далеким морем и близкими масляными красками из магазина для художников. Минут через пять, когда я окончательно расслабилась и «слилась с пейзажем», из подвального окна – наискосок через улицу – появилась худая пятнистая морда. Зыркнула на меня горящими глазами и скрылась обратно. В окне под крышей соседнего дома дрогнула занавеска. Пусть ее не отдернули... но явно дали понять, что наблюдают за мной. Из подворотни слева просочился на улицу городской эльф и с независимым видом встал, глядя вроде как на проезжающие машины и копируя мою позу.

– Привет, – беззвучно сказала я, не поворачивая головы. – Я к вам ненадолго.

Он помедлил... потом ответил звонким, чуть надтресну-

тым голосом у меня в голове.

– Привет. В гости или по делам?

– Сначала в гости. Насчет дел... еще не решила. Подскажи, с кем советоваться, если...

И едва эльф меня перебил, как я поняла, что сама знала ответ.

– С Сигизмундом. Это кот.

– Знаю.

– Он тут из главных.

– Ясно.

Я опустила глаза и принялась перебирать пальцами бахрому на модно надорванном кармане джинсов. Надо было идти обратно. Раньше заговорим, раньше расставим точки над «і». Скорее всего, Джу уже навела мосты... по-своему, по-кошачьи, нежно и деликатно, как только она умеет. Я вот точно так не смогу никогда! Язык мой – враг мой, сначала говорю – потом думаю, сначала бегу – потом задумываюсь, куда именно. Ладно, пора и...

Тут раздался визг тормозов, звон и крик. Даже не разберешь, человеческий или нет. Но я и не разбиралась... не успев даже подумать, что именно делаю, рванула на проезжую часть, широко, с оттяжкой, крутанула колесо времени и успела-таки выдернуть из-под колес пятнистую облезлую кототварь. Костистую, худую, испуганную, с большими желтыми глазами и без левого верхнего клыка.

Это у меня фотографическая память в моменты крайнего

напряжения и крайней опасности, чтоб ее.

Потом ночами, в моменты бессонницы, перебираю в уме эти «фотокарточки». И никак не получается их стереть, забыть, сделать хотя бы чуть-чуть потусклее.

Снова визг тормозов, звон, ругань водителя... Я перека- тилась через плечо, прижимая ободранную кошку к груди, и оказалась на противоположном тротуаре. Выдохнула, под- няла голову и сдула с носа прядь волос.

В это мгновение мне показалось, что за спиной кто-то стоит и смотрит... Нет, прямо-таки сверлит злым взглядом, пытаюсь проникнуть до самого нутра, вывернуть наизнанку, вскрыть, как консервную банку.

«Зачем ты явилась и что замышляешь?»

Я вздрогнула и резко обернулась.

Сзади никого не было.

Я медленно опустила на асфальт спасенную кошку и вста- ла, вытирая потные грязные ладони о подол футболки. Дер- нула плечом, отводя от себя взгляды зевак, которые, как это обычно бывает, глазели на воткнувшуюся в бетонный огра- ничитель машину. Из нее уже выбрался водитель, дрожащи- ми пальцами тыкал в телефон и цедил сквозь зубы ругатель- ства.

Веселые декорации, что и говорить, но с меня хватит. По крайней мере, на сегодняшнее утро.

Когда я вернулась в квартиру, в прихожей меня никто не встречал.

Это было непривычно. Почему Джу не почувствовала, что я близко? Она обычно устраивалась на коврик рядом с дверью и начинала ждать задолго до того, как я поворачивала ключ в двери.

И неожиданно. Почему Сигизмунд не спешил выяснять подробности у того, кто не успел приехать, как уже поучаствовал в дорожном инциденте прямо под окнами дома? Я не сомневалась, что ему уже рассказали о происшедшем. Или расскажут в ближайшее время.

Я склонила голову набок и прислушалась. В квартире было тихо-тихо. Даже слышно было «кап-кап» из неплотно завернутого крана на далекой кухне.

Ну и ладно. Не очень-то и хотелось.

Я нагнулась и медленно расшнуровала кеды. Пальцы все еще дрожали, болела поцарапанная ладонь, ныло ушибленное при кувырке плечо. Я пошла в ванную и уставилась на свое отражение в зеркале. Убрала со лба прядь, которая вечно выбивалась из прически, чем ее ни фиксируй – ни заколки, ни лак не спасали. Если бы не красные пятна на щеках и сузившиеся зрачки, даже и не скажешь, что кому-то пришлось поволноваться, покувыркаться и поколдовать всего несколько минут назад. Я умылась холодной водой, переодела футболку и отправилась на поиски Джу.

Она сидела на кухне и сосредоточенно грызла гигантский стебель кошачьей мяты.

– Джу, ты чего меня не встречаешь?

– Мяффф... – так получилось. Прости.

Я осторожно оглянулась. Сигизмундовых ушей поблизости видно не было, но я все равно перешла на шепот, на всякий случай:

– Вы поговорили?

Джу задумчиво уставилась на потолок. Кончики ушей у нее подрагивали. Медленно кивнула.

– И как успехи?

Джу дернула хвостом. Это как если бы человек пожал плечами. Жест, который может означать что угодно. Что угодно неопределенное.

Я вздохнула:

– Он не захотел с тобой разговаривать?

Джу повернула голову и оскорбленно уставилась на меня. Мол, не захотел разговаривать? Это со мной-то? С самой милой тискательной плюшевой кошкой в этой квартире и всех сопредельных вселенных?

– Тогда почему...

Джу отвернулась. Снова дернула хвостом.

Понятно.

Когда она в таком молчаливом настроении, ее не разговоришь.

При том что Джу всегда меня поддерживает, восхищается, утешает, трогает лапой, греет теплым боком, отгоняет ночные кошмары и готова хоть в огонь, хоть в медные трубы – и даже в воду, если уж очень понадобится, – она всегда себе

на уме.

Не захочет говорить – не будет.

Превратится в пушистую «вещь в себе» и будет загадочно молчать. И это не манипуляция. как у некоторых людей, которые держат паузу в надежде, что их начнут расспрашивать, интересоваться делами, дергать, толкать в бок и всячески одаривать вниманием. Если моя котя молчит, значит, она действительно хочет побыть в тишине.

Поэтому я вздохнула и отправилась на поиски Сигизмунда.

Он обнаружился в противоположном конце квартиры. Сидел на мягком диване перед выключенным телевизором и выглядел так, как будто смотрит новости мировой политики и криминальную сводку в одном кадре.

Я села рядом, положила сцепленные в замок пальцы на колени и сказала:

– Ну, привет.

– Привет, Евгения, – официально отозвался Сигизмунд. На удивление не стал держать паузу. – И чего тебе дома не сиделось?

– Ты не поверишь! Приехала присматривать за тобой!

– Это кто еще за кем в итоге присматривать будет, – вздохнул кот.

– Слушай. Мы оба знаем, что ты прекрасно прожил бы тут и без людей. Просто Инна волнуется, и ты ее не хочешь расстраивать. И что? Ты недоволен, что именно я решила

тебе подыграть?

– Слушай, а давай оба хотя бы не будем делать вид, что ты прибыла сюда из альтруистических побуждений? Якобы для помощи коту, которого до этого видела от силы пару раз и не проявляла никакого желания познакомиться поближе.

– Ну, я о тебе наслышана.

– А я – о тебе. Именно поэтому мне хочется выяснить сразу, почему ты здесь. Чтобы потом сюрпризы не разгребать.

И Сигизмунд посмотрел на меня так, как будто видел насквозь. Пфф. Хотя что он там может разглядеть и понять? Если я сама себя иногда не до конца понимаю.

– Кажется, ты предвзят.

– Нет, просто хорошо информирован.

– И что же говорят твои информаторы? – не знаешь, что сказать, просто отвечай вопросом на вопрос.

– Что типичное состояние Евгении – получать от жизни удовольствие, тусуясь со старыми друзьями, знакомясь с новыми людьми и попадая во внештатные ситуации разной степени тяжести. Бары, пьянки, гулянки, ночные клубы, прыжки с парашютом, забраться на шпиль МГУ и в заброшенный коллайдер в Протвино, дискотека на восемьдесят втором этаже в Москва-Сити, сломанный лифт там же, закрытые вечеринки, музыка в стиле underground... Так, кажется, выглядела твоя жизнь в прошлом месяце?

– Ты забыл ночевку в поезде метро, уехавшем в тупик. И подготовку к сессии! Я прилежно учусь, между прочим.

– Прилежно списываешь.

– Это такой способ учебы. Пока списываю – запоминаю.

– Короче, – ухмыльнулся Сигизмунд и встопорщил усы... – Евгения в своем типичном состоянии не едет в другой город просто так.

– Помогать сестре, эй! Ты не веришь в мои родственные чувства?

– Прости, нет. Инна даже не знает о том, что ты ведьма... крайняя степень доверия между родственниками, угумс.

А вот это было больно. Да, я берегу родных и ничего им не рассказываю о своей... хм, тайной стороне жизни. Но, кстати, с детства-то ничего не изменилось. В пять лет мне уже казалось, что сообщать папе, маме и сестре во время отдыха в Кисловодске, как мы с друзьями лазили на развалины деревянного павильона, чтобы проведать кошку с котятками, проломили ветхие доски, свалились орущей кучей в дыру в подвал и полдня выбирались наружу – плохая идея. Потому что потом никуда меня гулять с друзьями не пустят. Так и в пятнадцать лет, когда я стала различать шепот звезд и видеть тени домовых, интуиция подсказала мне – молчи.

Кто знает – тот знает. Компания для похода за котятками или для небольшого шабаша всегда найдется.

А кто не знает – пусть спит крепче. А то волноваться начнет и окружать меня лишней заботой... Которую я терпеть не могу. Душит.

Хотя... если честно, то иногда я жалела, что Инне толком

ничего не расскажешь. Мы здорово отделились друг от друга, когда она уехала из родительской квартиры, а потом я сама отправилась в Москву.

Тут Сигизмунд попал по больному. Но у меня было чем ответить.

– Та же самая Инна не знает, что у нее не просто кот, а его великолепное котейшество Сигизмунд из рода владык, который знается с эльфами, фэйри и домовыми и держит тут в страхе весь район... И ни за что не поверю, что в ее отсутствие ты всегда просто так спишь на своей уютной лежаночке. Небось вершишь судьбы отдельно взятого города?

– Все так. И еще мир на досуге захватываю потихоньку.

О, а у Сигизмунда есть чувство юмора!

– Что ж ты Инне об этом не рассказываешь?

– Некоторые вещи людям лучше не знать.

– Рада, что мы с тобой в этом сходимся.

– Евгения, – вздохнул Сигизмунд. – Ты отлично заговариваешь зубы. Временем на коротких отрезках тоже оперируешь неплохо, как я успел заметить...

– Ты видел, да?

– Наблюдал почти из партера. То есть из окна.

– И как тебе мой бросок?

– Зачем. Ты. Сюда. Приехала?

Я закусила губу и посмотрела на потолок. К сожалению, там ничего не показывали. Даже самого что ни на есть миллипусечного видеоруководства на тему «как не отвечать на

неудобные вопросы».

– Давай я сформулирую вопрос по-другому, – продолжал наседавать Сигизмунд. – Послезавтра двадцать первое июня. День летнего равноденствия. Цветущий папоротник и прочие побочные эффекты. Чего мне ожидать от тебя в этот день?

– Я на кастинг собралась, – неожиданно даже для себя самой ответила я. Первое и самое дурацкое, что пришло в голову.

– Что-о-о? Какой кастинг?

– За миллионера замуж хочу выйти. Ну или там машину или квартиру выиграть.

Сигизмунд медленно поднял лапу и осторожно потрогал ею свою морду. Раз, другой...

– Что ты делаешь?

– Проверяю, не забыл ли я, как делается фейспалм. А то, чувствую, этот жест мне скоро понадобится. Потому что самое ужасное... кажется, ты не врешь.

Ну да, не вру. А что. Схожу на кастинг, если он еще не закончился. Там меня небось сразу же отсеют по внешности. Но хоть развлекусь. И Сигизмунд заодно с дурацкими вопросами отстанет. Сплошная выгода!

– Ты просто знай, – проворчал он с такой интонацией, будто мир его в очередной раз разочаровал. Вот почему, почему этот несовершенный мир не может быть таким великолепным, как сам Сигизмунд? – Знай, что я, если что, тебя

спасать лишний раз не буду.

– От кого? – прыснула я. – От операторов? Режиссеров шоу? Ой, от самого миллионера? А то вдруг покусится на мою девичью честь...

– У тебя же подружки-ведьмы здесь есть? – продолжал гнуть свою линию кот. – Ты им обязательно расскажи, что ты здесь. А еще лучше – сходи к кому-нибудь из глав ковен. На всякий случай.

– Ага, аж три раза с половиной. Чтобы еще они поучили меня жить. Как будто мне одного котейшества не хватает для этого.

– И все же свяжись с ними, – прошипел кот, слезая с дивана. Мол, аудиенция закончена.

Я кивнула, глядя ему в спину, и невольно улыбнулась.

Один-ноль, господин Сигизмунд. В мою пользу. Еще посмотрим, кто кого.

Глава 3, в которой я прохожу, но вовсе не по улицам города

Теперь оставалось только одно. Выяснить, продолжается ли до сих пор кастинг на это дурацкое шоу. Если да, то записаться на него и потерять несколько часов жизни на имитацию бурной деятельности по завоеванию миллионеров. А если нет, то очень натуралистично расстроиться, что все пропустила, и спокойно гулять по городу следующие две недели.

Кстати, спасибо Сигизмунду за напоминание. К так называемым «старшим подругам», опытным ведьмам, я точно не собиралась с визитом вежливости. А вот с парой приятельниц своего возраста я бы встретилась за чашкой травяного зелья! Все же, как ни крути, приятно иногда поболтать с теми, кто знаком с твоей темной стороной жизни. И Джу будет полезно развеяться! А то ей что-то питерский воздух не на пользу пошел.

С самого утра она как ушла во внутреннюю кошачью Монголию, так из нее и не вернулась. Все же я сделала попытку ее расшевелить:

– Джу-у-у! Пойдешь со мной в кафе?

Ноль реакции.

– А в ресторан? Роскошный ресторан?

Нет ответа.

– А в рюмочную-угрюмочную?

Полное отсутствие энтузиазма.

– А...

– Евгения, – рядом со мной материализовался очень нахмуренный Сигизмунд. И очень лохматый. Вся шерсть дыбом. В таком амплуа он напоминал взъерошенного злого домового, который случайно попал в криосон вместе со своим домом, а потом его разбудили через пару сотен лет на потеху туристам. – Евгения. Неужто обязательно ТАК кричать?

– Как «так»?

– Громко!

– Даже не знаю, что тебе ответить. А как мне иначе связаться со своей кошкой, которая где-то в соседней комнате? Телепатически? Если ты считаешь, что я это умею, то ты слишком хорошо обо мне думаешь. Польщена, не скрою.

– Могу предложить как минимум два альтернативных способа действий, – вздохнул Сигизмунд. – Если ты уважаешь правила этой квартиры, то ты встаешь, идешь, находишь Джу и тихо, размеренно, не сотрясая воздух, высказываешься. А если ты уважаешь своего фамильяра, то после первого же раза без ответа понимаешь, что иногда молчание – это значит «нет». И перестаешь орать.

– Воу-воу-воу! – возмутилась я. – Еще ты меня будешь учить с Джу разговаривать!

Встала и вышла из комнаты.

Ну просто слов нет.

Если он всю дорогу будет так занудствовать, то проще дома совсем не появляться. Ну и пожалуйста. Не очень-то и хотелось.

Я подхватила сумочку, надела босоножки – так хотелось побыстрее сбежать отсюда, что даже завязывание шнурков на кедах казалось слишком долгим, – крикнула «Пока!» и вылетела из квартиры. Даже слегка хлопнув дверью.

Самое обидное, что Сигизмунд был в чем-то прав. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Если бы ко мне явились гости, я бы тоже хотела от них, чтобы соблюдали правила. Как минимум не смели есть мои булочки с корицей и не шныряли по балкону, где я сушу травки. Но – ааа! – как же он наставительно и морализаторски вещает! Просто не кот, а какое-то ходячее белое пальто. Невозможно, просто невозможно его спокойно выслушивать и не беситься.

Тут на улице еще и обнаружилось, что начинается дождь. А возвращаться за зонтом было просто выше моих сил. Поэтому я добежала до ближайшего кафе, внутри которого виднелись свободные столики – та еще редкость в обеденное время! – успев по дороге промокнуть и замерзнуть. Отлично, просто отлично. Оставалось надеяться лишь на то, что горячий суп и горячие сэндвичи с ветчиной и сыром меня спасут.

Пока несли суп, я достала смартфон и почитала немного про эту самую «Любовь на вылет». Правда, ни с первого,

ни со второго раза не удалось отыскать информацию про кастинг, зато бесконечные фотосессии участниц прошлых сезонов, угарные заголовки, потрясающие откровения и прочих исключительно «желтый» контент изливались с экрана щедрой цифровой рекой. Весенним полноводным разливом. Велика была опасность так и утонуть в нем, но я, стиснув зубы, выплыла и на задворках сайта съемочной группы обнаружила все же ссылку на кастинги.

Всего их было двадцать – в разных городах, – и девятнадцать уже благополучно закончились. Остался последний, «доборочный». Который должен был состояться двадцатого июня, то есть завтра, в бизнес-центре в четырех станциях метро отсюда. Добираться полчаса. Форма записи самая простая. Имя, телефон, фото. Я сделала подчеркнуто серьезный вид, хмыкнула, поставила сама себе рожки, щелкнула селфи и отправила заявку. Вот. Пусть теперь какое-нибудь пушистое белое пальто на ножках осмелится сказать, что я обманная ведьма!

А завтра, в десять утра, я стояла в холле бизнес-центра с пачкой анкет в руках и чувствовала себя лилипутом в стране Гулливеров. Какого роста у нас среднестатистическая модель? От ста семидесяти двух сантиметров по европейским стандартам. Какого роста у нас Женечка? Сто шестьдесят, считая вместе с подошвой. Идеально причесанные и покрашенные красавицы удивленно косились на нечто рыжее, безбожно кудрявое, ростом им по плечо, с пенными усами от

свежевыпитого капучино, в драных джинсах и футболке с Дитой фон Тиз. Нет, я даже честно выпалась, чтобы не блистать кругами под глазами, накрасила губы и припудрила носик. Но я точно знаю, что ни одно из косметических ухищрений никогда не добавит мне пятнадцать сантиметров роста и не сделает черты лица более правильными. Так что пренебречь обстоятельствами, будем вальсировать как есть.

Очередь шла довольно быстро. Претенденток запускали по десять-пятнадцать в небольшой зал с зеркальными стенами. Некоторые выходили почти сразу. Другие задерживались минут на пять-десять. Я уже заполнила анкету и развлекалась, представляя, какие именно вопросы им задают там, внутри.

Что такое зеленое, и красное, и кружит, и кружит, и кружит?

Что у меня в карманцах?

Не лает, не кусает, а в дом не пускает?

Меня же вызвали в тот момент, когда я пыталась скрепить в уме знаменитую загадку сфинкса про количество ног и песню про старый клен. Поэтому на кастинг я заходила, бормоча под нос:

Сколько ног, сколько ног постучит в мое окно,

Призывая собираться на прогулку?

Если утром стучать, их четыре будет, но...

Мимо меня в коридор протиснулась девушка.

Я не успела толком рассмотреть ее лицо, но краем глаза заметила прикольный кожаный рюкзачок на плече.

– Доброе утро! – поздоровался с нами лысоватый блондин с папкой бумаг и таким цветом лица, как будто он не спал уже трое суток. Быстро окинул взглядом всех, кто только что вошел, посмотрел на помятый список в руке:

– Мария, Алла и Евгения, останьтесь, пожалуйста. Остальные свободны, спасибо за то, что пришли!

И я даже сразу не поняла, что Евгения – это, оказывается, я.

Интересно, там в требованиях миллионера к внешности участниц так и сказано: рыжие пигалицы сразу попадают в следующий тур отбора вне конкурса? Ничем иным я не могу объяснить тот факт, что меня не выперли сразу. Подальше с глаз долой. Или, может, у организаторов кастинга есть что-то личное по отношению к красивым девушкам? Может, они просто хотели посмотреть на выражение лиц тех, кто уходил сейчас из зала? И смотрел на меня так, будто я буквально недоеденный пирожок изо рта у них вырвала...

– Итак, – продолжил усталый блондин, пошелестев бумагами. – Я сейчас задам вам два вопроса. Над ответами можно думать не более пяти минут. Потом мы распрощаемся, а о результатах кастинга мы вам сообщим.

– Если вы пройдете, разумеется, – добавила девушка с ноутбуком. Она забрала у блондина папку и принялась забивать наши данные в какую-то форму. – Если не пройдете, то

не позвоним.

– Отвечайте не сразу, а когда я скажу, – пробормотал оператор, настраивая камеру. – Под запись. Погромче. Тут микрофон го... так себе.

Я посмотрела краем глаза на Аллу и Марию.

Одна была похожа на астеничного эльфа-альбиноса, к которому приделали чужие глаза. Черные, большие, навывкате и очень-очень злые. Воздушное создание со взглядом василиска.

Вторая – как будто высечена из камня. Очень правильное лицо с четкими линиями, острый подбородок, высокие скулы, серебристые волосы... Идеальная скульптура с весьма решительным выражением лица. Никакой показной скуки, которую демонстрировало большинство участниц еще в коридоре.

– Итак, первый вопрос один на всех. Зачем вам участие в этом шоу? Александр хотел бы знать, что лично вас побудило прийти на кастинг...

Ага, то есть миллионер у нас Александр. Я, конечно, молодец. Рвусь тут на отбор в невесты к чуваку, имя которого даже не соизволила запомнить до этого момента.

– Конверты со вторым вопросом Ангелина сейчас вам раздаст. Обдумываете ответ сразу на два, как будете готовы – мы вас снимаем. Все понятно?

Я молча пожала плечами и взяла конверт. Разорвала его сбоку, вытащила листок из плотной бумаги и прочитала:

«Лампа ... света».

Хм.

И что с этим делать?

Подобрать пропущенное слово?

Или просто дефис поставить? А что. Лампа-Света. Нормальное имя такое. Для форума ведических жен. Просветляет и наставляет всех страждущих. Учит носить юбки в пол и получать животворящую энергию прямо от земли.

Может, надо было приходиться в юбке? И на каблуках, во. Тогда бы я меньше отличалась от основной массы претенденток. Может, драные джинсы и кеды – это миллионеров фетиш? Так и написал в требованиях: «Если кто в джинсах с дырками явится, на лицо не смотрите, сразу допускайте в следующий тур...»

– Вы готовы?

Я растерянно подняла глаза на оператора.

– А что, уже пора?

– Мы же дали вам инструкции! – Девушка уже отложила ноут в сторону. Она сидела, постукивая карандашом по колену, и выглядела очень раздраженной. Хотя я ее понимаю. Двадцать кастингов подряд. На каждом спрашивать про ворону и письменный стол. Это ж свихнуться можно. Работа не для слабонервных.

– Дали-дали, – ласково ответила я. Примерно тем тоном, которым разговаривала с Джу, когда она была в печали. а я забыла купить вкусняшек. – Снимайте. Прямо в камеру го-

ворить, да?

– Нет, – почему-то вдруг развеселилась девушка. – Можно в потолок. Или вообще спиной повернуться.

Я посмотрела на вспыхнувший красный глазок над объективом, заправила волосы за ухо и торжественно проговорила:

– В этом шоу я решила принять участие, чтобы кот моей сестры не разочаровался во мне. А лампа... – Я опустила глаза и еще раз перечитала слова на бумажке. Если бы я собиралась выигрывать, то даже подумала бы: сколько тут существует правильных ответов? И какие? Но выигрывать я не собиралась, поэтому сказала первое, что в этот момент пришло в голову: – Лампа невидимого света. Ну, я пошла?

– Спасибо, – кивнул блондин, не глядя на меня. – Мария, теперь вы. Готовы?

Когда я выходила из зала, «каменная» девушка приводила уже пятую причину для своего участия в шоу. Вдумчиво подошла к вопросу, не то что некоторые.

На улице было холодно, ветрено, но очень солнечно. Я даже пожалела, что не взяла с собой темные очки... Как-то не пришло в голову, что в Петербурге они понадобятся. Сунула руки в карманы и зашагала по бордюру – простите, поребрику! – подпрыгивая в такт считалочке:

Джек и Джилл пошли на горку
За водой с пустым ведром.

Джек упал – бум, кверху носом,
Джилл свалилась кувырком...²

Ветер забирался под футболку и хватал за бока холодными руками, в голове было пусто и весело. Впереди по плану – Петропавловская крепость и мосты-мосты-мосты. Не успокоюсь, пока не обойду хотя бы три десятка. Я улыбнулась стремительно проносящемуся над головой облаку и решила, что начало дня удалось.

Даже подумала, что стоит купить по дороге домой Сигизмунду что-нибудь вкусненькое. В конце концов, если бы не он, опыта такой авантюры у меня бы не прибавилось. Так что спасибо его великолепному котейшеству. Удружил.

С мостами в Петербурге дела обстоят весьма интересно. Можно сразу брать количеством, а не качеством. То есть, конечно, когда через Неву переходишь, это происходит долго, торжественно и величественно. Но если надо быстро перебежать с одного берега узкого канала на другой, это тоже считается! А уж если маленьких мостов целых семь в поле видимости... Как тут устоять?

На самом деле мне давно хотелось побывать там. В каждом городе есть несколько точек, которые считаются местами силы, некоторые из них действительно такими являются, и это не плод воображения экскурсоводов!

Несмотря на то что все детство я прожила в Петербурге,

---

² Перевод автора.

сейчас я чувствовала себя так, как будто открывала его заново. Как настоящая туристка. Все потому, что до отъезда в Москву моя волшебная сущность еще толком не пробудилась. Просто гулять по улицам... и медленно ходить по ним, чувствуя дыхание домов, вслушиваясь в голос ветра и шепотки духов, – это совсем разные вещи. Поэтому за то время, что я прожила в Москве и проросла в нее всем сердцем, родной Петербург стал казаться мне просто картинкой в книге.

Чертежом из прошлого.

Схемой на карте.

Стоп-кадром из фильма.

Не самым любимым воспоминанием.

Я помнила только, что мне было почти всегда холодно, с начала осени по конец весны – вечные простуды, я ненавидела узкие тротуары, по которым после снегопада прохожие могут идти только гуськом, в дворах-колодцах мне было темно, скакать через лужи – мерзко. Сначала я воспринимала это как должное, а когда подросла, стала буквально жить от лета до лета, когда мы всей семьей выбирались на юг. Туристы меня бесили, а красоты архитектуры не впечатляли. Так что в телефонном разговоре с Инной я вполне искренне говорила, что не понимаю и не люблю этот город.

Но стоило приехать, как я начала оттаивать.

Хотелось как можно чаще выходить из дома вместо того, чтобы сидеть весь день с ноутбуком. Хотелось превращать блеклые воспоминания в яркие слайды. А еще, конечно,

но, очень хотелось проверить, правду ли говорят про некоторые места на карте... будто там столько магии, что готовы большую ложку, если ты ведьма! Ну, или беги прочь со всех ног, если сила окажется тебе враждебной.

Именно с такими мыслями я пришла в Семимостье. Место, где на перила вешают замочки, загадывают желания и фотографируются. Я остановилась на точке, откуда лучше всего были видны все семь мостов, вытащила из кармана смартфон и крутанулась на месте, снимая панораму. Классный пост для Инстаграма получится! Быстро залила видео в сторис, даже не прогоняя через фильтры, и замерла, не донеся телефон до кармана.

Это было удивительное ощущение, как будто на тебя смотрят десятки глаз, со всех сторон. Как будто ты муха, застывшая в янтаре. Бабочка, прищипленная к центру города тончайшими хрустальными иглами. Как будто я вдруг попала в центр гигантского кристалла, туда, куда сходятся все лучики света, преломляясь и дробясь о его грани. Город смотрел на меня со своих мостов, со своих каналов и крыш, со своих антенн и фасадов. Я даже на секунду почувствовала – так ясно, что по шее поползла ледяная капля пота, – как сфинксы над Невой приподнимаются на постаментах и оборачиваются. Чтобы все как один посмотреть на меня. Мышцы перекачиваются под каменной кожей, провалы гранитных пастей сочатся чернотой, в глазах загораются огоньки.

Тут у меня закружилась голова. Оказывается, я забыла,

как дышать, и воздуха уже просто не хватало. Я всхлипнула и закашлялась, согнулась, хлопнула себя по коленям... Вытерла слезы – просто уж очень ветрено и пыльно на мосту! – распрямилась и улыбнулась во весь рот. Раскрыла объятия Петербургу и прошептала: «Привет! Я вернулась, по-настоящему вернулась! Ты рад?»

В ответ прямоком мне на нос спланировал маленький цветочек... Я схватила его и стала рассматривать. Вот это да! Сирень! Семилепестковая, суперсчастливая.

– Ты откуда прилетел? – спросила я и погладила крошечные фиолетовые лепестки с белой каймой. – Из ботанического сада? С Елагина острова?

Но цветочек не отзывался. Просто лежал себе и всем своим видом манил, как Алису: съешь меня! Срочно съешь меня! Счастливые цветы едят, а потом сбываются желания!

– Спасибо, – прошептала я городу, сунула цветок за щеку и отправилась дальше. Даже не успела толком загадать желание. Только подумала: вот бы завтра все удалось...

Но не успела толком обдумать эту мысль, как звякнул телефон.

Сообщение в Инстаграме.

«Жень! Ты тут, что ли?» И подпись: Zinchik

Дааа! А вот и отличное продолжение дня.

«Тут! Ты где-чего? Пересечемся?»

«Я как раз в центре! Приди же ко мне в объятия!»

«Уже бегу! Куда?»

«В «Север» на Адмиралтейской».

«Буду через полчаса».

«Йесссс».

Зинчик – мой гид в мир волшебного. В детстве мы вместе уходили в индейцы с одеялом, двумя бутербродами и зажигалкой. В школе вместе мазали доску парафином, и мне даже доставалось за это чуть меньше, потому что я была в третьем классе, а она уже в пятом. А когда она почувала, что я ведьма, то достала из сумочки свой первый амулет, подкинула его на ладони и сказала: «Ничего другого я не ожидала! Снова будем угорать вместе!»

И мы угорали.

И люто, люто получили тогда по ушам. Тоже вместе.

Через полчаса мы встретились, расцеловались и чинно, как приличные леди, уселись за столиком в кафе. Взяли фирменные пирожные в бисквитно-ореховой обсыпке, корзиночки и по огромной кружке капучино... Взамен, правда, пришлось оставить на прилавке совесть, потому что иначе при взгляде на жирный масляный крем в голове автоматически начинал зашкаливать счетчик калорий и загоралось «код красный!» Опасность, опасность, можно потолстеть! Ибо все эти анекдоты про худых и прекрасных ведьм, пожирающих торты один за другим и не набирающих при этом вес, к действительности отношения не имеют. А жаль!

Зинчик оказалась все такая же, как несколько лет назад. С длинными руками и ногами, острыми коленками, огром-

ными глазищами и тоненькой косичкой на одну сторону она ужасно напоминала стрекозу. Так что в комплекте с именем «Зина» участь ее была predetermined сразу. Зинчик-зинчик, сядь на мизинчик! Кстати, любителей повторять шутку больше одного раза она очень быстро перевоспитывала. Просто с размаху прыгала на них. Куда-то в район мизинчика. В результате иногда получались ушибы и сломанные пальцы, но зато шутить жертвы сразу переставали.

И в этом весь Зинчик. Стремительная, безбашенная и очень быстро переходящая от слов к делу. Я в сравнении с ней – образец спокойствия и благоразумия. Даже подумала на мгновение, что можно в воспитательных целях зазвать Зинчика в гости. Чтобы Сигизмунд наглядно убедился в том, что я на самом деле просто подарок и воплощенная адекватность.

– Ну и как оно в целом? – спросила Зинчик, облизывая пену с ложечки.

– Местами весело, – я пожала плечами. – Изображаю бурную деятельность. Коллекционирую людей. Отрываюсь, когда все остальное достанет. Потом по новой.

– Продолжаешь торчать там, куда тебя запихнули родители?

– Ну.

– До диплома собираешься терпеть?

– Пока я там учусь, они не лезут в остальные дела.

– Думаешь, полезут, если решишь переводиться?

– Как ты себе это видишь? Мама, папа, я хочу быть этнографом, психология – унылая дрянь?

– Например.

– Я не пересдам нужные экзамены. Да и не хочу волновать предков. Если что, потом изучу на практике.

– Тебе не жалко... времени? – Зинчик специально выделила последнее слово. Потому что знала, какие у меня болевые точки, угу.

Каждая ведьма имеет плюс-минус одну и ту же базу. Видит магию, немного манипулирует вниманием людей, чувствует необычные растения и предметы, умеет из их сочетаний получать амулеты. А вот дальше уже начинаются различия, у кого к чему душа лежит.

Моя душа лежит как раз ко времени. Я умею заглядывать в будущее. Иногда чуть дальше, иногда поближе... Как с той кошкой под колесами автомобиля. Я настолько четко вижу грядущие события, что могу замирать в потоке секунд или даже возвращаться на пару шагов назад. Ну или это все время сдвигается обратно вокруг меня... Толком не знаю. И честно говоря, не хочу знать. Потому что любая ведьма как бы сороконожка. Та самая сороконожка, которая отлично бежит, пока не задумывается о порядке движения ног, а как только ее спросили об этом, тут же запуталась и упала.

Когда я ни о чем не задумываюсь и безоговорочно верю интуиции, все идеально складывается.

А вот когда размышляю о теории происходящего и под-

бираю основания для поступков – что своих, что чужих, – ничего нормально не выходит.

Поэтому я ответила:

– Иногда жалко. Иногда – совсем нет.

И поспешила перевести разговор в другое русло:

– А ты сама как?

– Не поверишь. – Зинчик пригладила выбивающиеся из прически волосы. Пальцы у нее дрожали... Или мне показалось?

– И чем же ты меня таким хочешь поразить?

– Я подумала, что в одиночку... сложно. И теперь я в ковене.

Дааа. Я даже отставила в сторону кружку с кофе, чтобы не поперхнуться от удивления.

– Ты? В ковене?

– Скажи, неожиданно?

– Кто ты такая и что сделала с Зинчиком?

– Вот. Именно этой реакции я и ждала.

– Тебя заставили? Шантажировали? Если ты не можешь говорить, то просто моргни два раза! И я буду думать, как тебя спасти!

У меня было ощущение, что привычный мир пошатнулся. Солнце заходит на западе, предметы падают вниз, Зинчик никогда не слушает взрослых. Эй, что случилось-то, а?

– И если ты надолго, – она нагнулась ко мне через стол и ухватила за руку горячими ладонями, – то давай я тебя по-

знакомлю со Стеллой. С нашей главной. Лишним не будет...

– И ты туда же! – Я не выдержала и вскочила из-за стола. – Ладно коты меня жизни учат... Но ты!

Зинчик усмехнулась:

– Может, я просто хочу тебя спасти?

– Знаешь что... я как-нибудь сама разберусь, надо ли меня спасать. И если надо, то от чего, – твердо сказала я.

– Или от кого.

– Именно.

– Хорошо. – Зинчик пожала плечами и закинула косичку за спину. – Тогда я молчу об этом.

– Ок!

Некоторые люди жить не могут, пока перед ними не извинились или не сказали, например, «ой-ой, я больше не буду». Ходят и дуются. А мне, честно говоря, все равно, кто там что сказал. если это не подкрепляется фактами. Зато если подкрепляется... Если вместо красивых слов и расшаркиваний Зинчик просто перестанет компостировать мне мозги – то и ладно.

И следующий час мы провели за волнующей беседой: о странных встречах и находках и о новых зельях – особенно интересно было похвастаться теми, которые получились не так, как надо. Живая вода, случайно получившаяся вместо мертвой, неизменно бодрит. Впрочем, обратная ситуация бодрит еще сильнее.

Мы ржали, перебивали друг друга, взяли еще по пирож-

ному – теперь буше, – в лицах изобразили свои последние удачные и неудачные свидания, обсудили мужчин – ну, куда без этого! – и окончательно убедились в том, что время прошло, а наши шестереночки души все еще отлично цепляются друг за друга.

Тут в окне медленно прошли люди в белых балахонах.

Я аж кофе поперхнулась.

– Это что, ритуальная процессия прямо вот посреди города, не скрываясь?

– Не-е-е-ет, что ты, – Зинчик презрительно скривилась. – Это экскурсия «Мистический Петербург» или что-то вроде того. Чуваки считают, что если на туриста надеть балахон, то половина дела сделана. И можно не заморачиваться действительно интересным маршрутом, достоверными фактами и прочей «ерундой».

– Хм, – сказала я, прищурившись.

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – спросила Зинчик невинным тоном. Если бы ее слышали те, кто уже когда-либо успел пострадать от ее игривого настроения, то они бежали бы сейчас, позабыв обо всем и сверкая пятками, до самой канадской границы.

– Не люблю, когда людям впаривают фуффло, – кивнула я. – Даже если эти люди – туристы.

Их я тоже не люблю, но ненависть к фуффлу побеждает.

Потом мы синхронно встали, покинули кафе с независимым выражением на лицах и отправились следом за экскур-

сией.

Я даже протолкалась поближе к гиду, чтобы удостовериться в том, что он несет бред. Нет, это был не бред. Это была развесистая, жирненькая такая, сочная, мясистая клюква, ориентированная на публику, которая пришла на экскурсию не за новыми знаниями, а просто убить время. Мужчина сыпал датами и фактами, довольно слабо связанными между собой. Часть их была реальной, часть – взята из литературных произведений, а еще часть слухов и фантазий он явно откопал на каком-нибудь пикабу. Не было в его словах ни системы, ни энтузиазма, ни правды.

– Ой, мамочки! – шепнула Зинчик. – Они идут в ротонду.

– О! – только и смогла ответить я. И плотоядно улыбнулась: – Оооо!

Ротонда – реально одно из самых странных мест в городе. Даже если ты не ведьма, все равно почувствуешь там, что мир чуть-чуть сдвигается. Немного, на какую-то долю градуса отклоняется от нормальности, но этого хватает, чтобы засосало под ложечкой. Любопытные звуковые эффекты, классная геометрия помещения и флер таинственности, который витает над Ротондой, только добавляют огня.

А уж если ты ведьма... Меня даже передернуло, когда я представила, что там будет внутри.

И предвкушение меня не обмануло.

Внутри была линза. Линза, собирающая свет и силу в одну точку, заставляющая пространство и время ворочаться и

двигаться туда-обратно, пытаюсь убежать от огонька концентрированной мощи, блуждающего по всему зданию. А экскурсовод – вместо того чтобы просто помолчать и дать своим подопечным почувствовать прелесть места – все бубнил, и бубнил, и бубнил.

Зинчик хрустнула пальцами и надела на лицо милую улыбку.

Я на всякий случай отодвинулась подальше.

После этого половина группы просто пропала на лестнице, забредя в другой пространственный изгиб. Потом у экскурсовода исчез голос. То есть сам себя он слышал... а вот все другие – уже нет. Вместо него они слышали Зинчика, которая нежным голоском рассказывала настоящую историю этого места.

Как в фундамент замешивали толченное муранское стекло и амальгаму от кривых зеркал. Как не прекращали строительство ни днем ни ночью, причем днем стены возводили по часовой стрелке, а ночью – наоборот. Как в уже готовую ротонду привезли немого мастера-стеклодува из Венеции, чтобы он вживил крохотные капельки искажающего стекла в стыки стен и потолка. Как глухие каменщики укрощали звук, гоняя его по кругу и запечатывая в глиняные горшки.

А когда она устала говорить, в дело вступила я.

– Посмотрите направо! Видите, во-он там, черная тень ложится? Это не тень, а призрак.

– А теперь глаза вверх. Выше-выше, не бойтесь. Теперь на

краю зрения слева вы можете увидеть радужный блик. Если ухитритесь не моргать достаточно долго, то получится рассмотреть его в подробностях. Это живой солнечный блик, который не может выбраться наружу уже много лет.

– Теперь закройте глаза и прислушайтесь. Тсс. Слышите ветер? Так вот, это не ветер, а дыхание дома. Давайте попробуем поймать ритм?..

А потом пришел хранитель ротонды и начал возмущаться, что отведенные полчаса уже давно истекли, и спрашивать, чем это экскурсовод вообще думает, не соблюдая оговоренные сроки. Тот, кстати, ничем не думал, а просто обалдевал. Щипал себя за запястье, видимо, решив, что это сон и нужно срочно вставать по будильнику. Зато туристы были в восторге, особенно те, которые высыпались один за другим из-за изгиба пространства. Кто знает, что они там видели!

И тут у меня зазвонил телефон. Отражаясь от стен ротонды, звук получился такой, будто меня желали слышать с того света.

Поэтому я вытащила телефон из кармана только через пару минут, выйдя на улицу. Надо сказать, все это время он упорно продолжал звонить.

Незнакомый номер.

– Наверное, клининг, – сказала я Зинчику. – Завтра с утра должны приехать, Инна говорила, что они заранее согласуют временной интервал.

Поднесла телефон к уху:

– Алло?

– Евгения, добрый вечер, – сказали мне. – Это «Любовь на вылет». Поздравляю, вы удачно прошли кастинг. Сможете подъехать завтра, подписать документы и познакомиться со съемочной группой?

Глава 4, в которой я не попадаю на шабаш

В парадную я заходила, проникновенно распевая: «We-e-e are the champions, my friend!»³ Естественно, это не прошло незамеченным. Из своей каморки немедленно выглянула Марфа Пантелеевна с таким видом, как будто я тут не песни исполняю, а бью стекла булыжниками и поджигаю кнопку вызова лифта. Одновременно. С двух рук.

– Вы к кому? – прошипела она.

– К себе, – мило улыбнулась я. – То есть к сестре. Мы, кстати, с вами вчера утром знакомились.

– И что? – Она уперла кулаки в бедра и стала еще суровее. – Думаете, это дает вам право тут шуметь?

– Нет. Во-первых, это не шум, а пение. Во-вторых, оно тише, чем пятьдесят пять децибел. В-третьих, еще нет девяти вечера.

И направилась к лестнице. Лучше фитнес – особенно после пирожных, – чем ждать лифт в такой приятной компании.

– При чем тут децибелы? – неслось мне вслед. – Ты мне зубы не заговаривай!

Ну вот, снова зубы. Дались им эти зубы.

---

³ Песня группы Queen.

Каждый раз, когда мне так говорят, появляется дикий соблазн срочно сообразить обратный наговор и призвать карриозных монстров из рекламы зубной пасты. Но я держусь. Честно, держусь. Потому что каждая сделанная гадость потом аукнется... А оно мне надо?

На этот раз в прихожей меня встречали оба. И Джу, и Сигизмунд. Смотрели с нескрываемым интересом, а потом, стоило мне разуться, хором спросили:

– Ну как?

– Миу?

– Прошла! – Я подхватила Джу на руки и сплясала с ней несколько па танго, врезалась в стену и расхохоталась. Сигизмунд снизу смотрел на это так скептически, словно я творила некое непотребство.

– Что? – спросила я, усадив Джу на плечо и направляясь на кухню. В моменты душевного потрясения меня всегда тянет готовить.

В принципе, я даже не ожидала, что Сигизмунд соизволит ответить, но он неожиданно пошел за мной следом.

– Во-первых, именно за этой стеной закрытая шахта, в которой живет местный домовый. Если его не вовремя разбудить, он может разозлиться. – Сигизмунд встопорщил усы. – В твои планы на вечер входит умасливание недовольного домового?

– Пожалуй, нет.

– Вот-вот. Ты уже не первый день здесь. Почему ты не по-

дошла и не попросила: Сигизмунд, будь так добр, сориентируй меня на местности? Чтобы знать, кто где живет, существуют ли негласные правила, и так далее, и тому подобное...

– Ты так говоришь, – я даже замерла на секунду, перестав намазывать бутерброд маслом, – как будто я приехала проворачивать военную операцию под твоим чутким руководством.

– Если бы я думал, что ты приехала проворачивать военную операцию, я бы познакомил тебя с опергруппой, выдал карты разных уровней действительности, обеспечил связным и снабдил ценными указаниями. Но давай-ка заглянем в твою сумку. Есть ли там карты?

– То есть все ценные указания, которыми ты меня снабжал все это время, не слишком ценные? Или не указания? Или...

Сигизмунд махнул лапой, подошел к холодильнику, самостоятельно вытащил оттуда пакет с шоколадным молоком и потащил в угол, где стояла его миска. Оглянулся на меня и смерил уничижительным взглядом.

– А во-вторых, ты как-то неосторожно танцевала. Мне не нравится идея лечить ушибы на чьих-нибудь локтях или лапах...

– Так! – натурально вспыхнула я. – Хватит лезть не в свое дело! Еще будешь контролировать, как я двигаюсь?

– Это моя квартира, значит, мое дело.

– Не твоя, а Артема и Инны.

– Тогда Джу не твоя, а своя собственная.

– Джу, зажми уши, я сейчас буду орать. Он меня достал...

– Мяу! – Джу смотрела обеспокоенно. Мол, не надо, Жень, пожалуйста...

– То есть мы таки будим домового, да? Так-то ты слушаешь мои советы?

– Заткнись! – Я выдернула из сумки пакет с кошачьими вкусняшками, которые всего час назад долго и тщательно выбирала в зоомагазине, и швырнула ими в Сигизмунда. – Чтоб я сама еще слово тебе сказала!

Забрала бутерброд и демонстративно ушла к себе в комнату.

Хлопнула дверью и, не включая свет, уселась на подоконник. На улице как раз зажигали фонари, и город переодевался в вечерний наряд. Обычно меня очень радовал этот переход между днем и ночью, я старалась его не пропускать и искренне наслаждаться моментом.

Но теперь внутри меня все кипело. Никак не получалось сосредоточиться на созерцании.

И, казалось бы, не было серьезного повода для ссоры...

Просто зацепились слово за слово.

Нет. Просто кто-то слишком любит поучать! А я здорово от этого отвыкла, живя без родителей.

А еще завтра было двадцать первое июня. Чем ближе к завтрашней ночи, тем больше меня трясло. И вредный Сигизмунд был тут явно ни при чем...

Бывает внутренний мир, бывает внутренний свет, а быва-

ет внутренний шабаш.

И если с внешним все понятно — в книгах его описывают довольно подробно, — то с внутренним неизменно возникают вопросы. Даже у самих ведьм.

Когда я узнала о его существовании, то для себя решила, что это такое меню настройки мозга. Только не обычное, которым мы пользуемся каждый день, отслеживая и оценивая свои чувства и мысли, а с дополнительными крутыми опциями. И для доступа к нему нужны расширенные права «администратора», как на компе.

По сути, раз в несколько лет ведьма может подключиться к общему энергетическому полю и памяти рода и, если подключение пройдет успешно, задать ему вопрос или загадать тайное желание. Ни перед кем не отчитываясь, не взвешивая разумность этого действия и принимая всю тяжесть ответственности на себя. Это как аркан «Колесо фортуны» в колоде Таро. Можно выиграть счастье и удачу, а можно — ворох проблем, который не разгребешь на полжизни вперед.

Первый раз внутренний шабаш происходит в глубине души, когда ты только становишься ведьмой. В один прекрасный момент кто-то будто поворачивает ключ у тебя в сердце, и ты начинаешь смотреть на мир совсем по-другому. Плюс обретаешь особые склонности. Например, любовь к времени, как у меня.

А вот дальше...

Во-первых, как повторить этот трюк, никто тебе прямо не

расскажет. У ведьм же нет университетов и колледжей, где можно чинно сесть за парту и выслушать лекцию: «Изменение единожды выбранного курса бытия: подводные камни, опасности и лайфхаки».

Нет.

Почему-то никто об этом не хочет говорить с тобой подробно.

Ах да, это ж внутренний шабаш.

А внутреннее выворачивать наизнанку даже перед сестрами никто не любит.

Так что ты по крупицам собираешь информацию о том, что четыре раза в год – в точках поворота колеса сезонов, во время равноденствий и солнцестояний, можно не отправляться на общий шабаш и не готовить традиционные зелья. А вместо этого явиться в нужную точку в нужное время, загадать желание и сломать себя, а потом пересобрать на новом уровне.

Во-вторых, поговаривают, что это страшно, это опасно, бывают несчастные случаи и неудачи.

А еще это дико интересно. Кажется.

В ночь перед тем днем, когда Инна позвонила и стала жаловаться на изменившиеся правила перевозки котов, мне приснился сон.

Снилось, как я иду по аллее парка, а вокруг огромные сосны. На часах почти полночь, но вокруг подозрительно светло. На табличке-указателе над аллеей написано «Сосновка».

Небо серо-сиреневое, и по нему карабкается бледная луна, похожая на нарисованную. По веткам куста прыгает синичка и призывно что-то щебечет.

– Привет, – говорю я ей и протягиваю руку.

Синичка запрыгивает на палец, клюет его – ужасно больно, прямо до крови, – а потом, когда я почему-то от этого не вскрикиваю и не прогоняю ее, склоняет голову набок и пищит:

– Поспеш-поспеш! Папоротник уже расцветает! До конца аллеи, а потом в кусты направо. Тропка совсем незаметная, но ты не заблудишься...

Машет крылом, и в воздухе передо мной повисает что-то вроде путеводной нити из светящейся лунной пыли.

Я киваю и иду, а потом уже и бегу со всех ног, потому что папоротник цветет совсем недолго... Если не поймала момент и не успела сорвать цветок – придется ждать следующего года. Или следующей жизни, тут как повезет.

Свернув в кусты, я продираюсь через заросли, закрыв лицо руками, перебираюсь через кучи бурелома, путаюсь в высокой траве и наконец почти вываливаюсь на маленькую полянку.

Ровно посредине нее разворачивает лепестки призрачный серебристо-пурпурный цветок. Затихает ветер, трава не шелестит, и деревья перестают шептаться. Все замерли в ожидании. И тут слышится тоненький хрустальный звук, как будто где-то неподалеку лопается волшебная струна.

Я подхожу совсем близко и протягиваю руку к цветку.

Мне кажется, что сейчас я сорву его и все изменится. Абсолютно все.

Но мне не страшно. Наоборот, кажется, в крови начинают танцевать пузырьки шампанского, кончики пальцев колет от предвкушения, и сердце заходится от радостного волнения.

Потом я поднимаю глаза... и вижу напротив себя, в тени деревьев, на краю поляны черную тень. Которая тоже охотится за волшебным цветком и, кажется, готова на все, лишь бы он достался ей, а не мне.

В этот момент меня будто что-то подцепило за шиворот, дернуло, как рыбку на крючке, и вырвало из сна. Я ахнула и села на кровати, и тут же под руку сунулась Джу... Замурчала, потерлась лобиком – эй, эй, что случилось? Все хорошо, я же рядом...

– Слово... Там на табличке было какое-то слово, – пробормотала я и потерла щеки ладонями.

Потом настал следующий день, и позвонила Инна.

Я спросила ее, помешивая закипающий кофе:

– А что говорит сам Сигизмунд?

– Да как обычно! «Мяу» – и смотрит на меня так, будто все уже устроил наилучшим образом и можно ни о чем не волноваться.

На этой фразе меня как током ударило. Я вспомнила.

Парк в Петербурге. Рядом с которым мы жили в детстве. Сосновка. Вот что было написано на табличке во сне.

Пазл сложился.

Я вмиг отбросила все планы на июнь в Москве и поняла, что еду в Петербург. Тем более что нарисовался идеальный повод.

Еду за своим цветком папоротника и внутренним шабашем.

И никакие черные тени меня не остановят.

Кажется, я так и задремала прямо на подоконнике. Потом пришла Джу и стала пихать меня головой в бедро, уговаривая перебраться на кровать. В ответ я отмахивалась и бормотала что-то про важность красивого вида из окна для душевного спокойствия, а еще обещала поймать сон и зарисовать его пальцем на стекле. Но потом все же сдалась, добрела до кровати и заснула прямо на покрывале, не переодеваясь в пижаму.

Наутро настроение у меня было такое, как под Новый год в детстве, когда ты еще не определилась, верить в Деда Мороза или нет. Вроде как всем известно, что подарки под елку кладут родители, но, с другой стороны, никак нельзя исключать вмешательства высших сил. Поэтому приходится себя хорошо вести и держать в уме на всякий случай стих, чтобы, как понадобится, мигом взлететь на табуретку и оттарбанивать без запинки.

Я долго пила кофе на кухне, залитой солнечным светом. С чувством, с толком, с расстановкой намазывала кусочки багета малиновым вареньем, резала яблоки и груши на

тонкие-претонкие прозрачные ломтики, такие, чтобы сквозь них можно было смотреть в окно. Кофе с молоком из огромной кружки, запах свежего хлеба, треньканье какой-то пичужки за окном и танцующие на занавесках резные тени листьев... казалось, что это никакой не центр города, а дача на краю леса. Темного-темного сказочного леса, который сегодня откроет все свои тайны.

Потом на кухню вплыл Сигизмунд, медленно, с достоинством кивнул Джу, а в мою сторону даже ухом не повел. Не очень-то и хотелось, между прочим. Наверно, стоило унести еду и поесть в комнате... но на кухне было так тепло и уютному уютно, что я решила – потерпим. Он – мое общество. А я – его.

Потом я разложила все свои вещи по кровати и долго прикидывала, что надеть на встречу с телевизионщиками. Самого миллионера мне не обещали, но должны были явиться режиссер, какой-то креативный директор (или даже целых два), руководитель съемочной группы и юридическая служба. Как со стороны телеканала, так и со стороны «жениха». Интересно поглядеть, что они там понаписали, эти юристы. Что надо отдать организаторам реалити-шоу во временное, но исключительное пользование тело и душу? Что проигравшая жертвует все свое имущество в пользу бедных детей Сомали в рамках благотворительности? Что никто не несет никакой ответственности за жизнь и здоровье участниц, даже если им приспичит тащиться на торфяные болота Англии

конца девятнадцатого века в ночи? Очень, очень интересно.

В итоге я остановилась на легкомысленном платье в цветочек и светло-зеленых босоножках, из-за которых мы с Джу чуть на поезд не опоздали. Ну, очень глубоко в шкафу они были закопаны, что поделать. К вечеру мне точно станет тошно от каблуков... но кто сказал, что по траве в парке нельзя ходить босиком? «Даже не буду сюда заезжать», – решила я. Сначала подписываем бумаги... или не подписываем, если там окажется полный бред. Потом перекушу где-нибудь, и напрямиком в Сосновку.

Хотя... был в этом плане один изъян.

Мне хотелось взять с собой Джу. Вдруг ее тут без меня Сигизмунд тиранит почему зря? Выговаривает ей, например, за нерадивую хозяйку. То-то она большую часть времени не в духе. С другой стороны, не таскать же ее с собой целый день. Когда это было необходимо, например в дороге, Джу стойчески преодолевала трудности пути в процессе сна. Но таскать весь день переноску – я прокляну все. А носить Джу на руках или на плече... тогда, пожалуй, котя сильно устанет и расстроится.

– Слушай, – я подхватила Джу и усадила на стол напротив себя. – Скажи... тебе тут уютно? Нормально? Сигизмунд не обижает?

Джу изобразила недоумение всей своей мордочкой:

– М-м-м-яф? – обижает? Меня? Скажешь тоже.

– Я никак не могу решить, брать тебя с собой или нет.

Джу склонила голову набок и прислушалась к чему-то внутри себя. Или к звону струн будущего. Иногда мне кажется, что она знает гораздо больше, чем показывает... Ну или мне просто хочется так думать.

– Миу, – тронула меня лапой. Погладила по щеке мягкими подушечками, спрятав когти, и уютно зафырчала. – Миу-ми.

– Точно хочешь остаться здесь?

– Ми!

– Ну ладно. Тогда я пошла!

– Мяу! – мол, удачи! Я знаю, все будет хорошо.

С Сигизмундом я показательно не попрощалась.

Доехав до бизнес-центра на Звенигородской, я посмотрела на время и порадовалась тому, что почти не опоздала. Минут на пять, не больше.

И это было последнее, что хотя бы примерно соответствовало моим планам на тот день.

Сначала я долго блуждала по коридорам, все никак не могла найти нужную дверь. Как сказал администратор, скупающий за стойкой возле турникета, мне надо было попасть в кабинет номер 1408. Что само по себе уже настраивало на определенный лад! На четырнадцатый этаж ехал только один лифт из пяти, и тот приезжал в какой-то закуток, из которого в коридоры вели три двери из матового стекла. Я даже специально открыла все по очереди и перешагнула через порог туда-обратно, уж больно разные за ними были коридоры. Один – как в советском НИИ, с облупившейся краской

на стенах и серо-грязными плафонами на потолке. Второй – блестяще-мраморный, черно-белый, современный до ломоты в зубах. Третий – уютненький, с чуть потертой ковровой дорожкой и лампами на стенах, с мягким светом из-под зеленых плафонов. И нигде, конечно же, ни одного указателя, какие номера комнат обитают здесь.

В итоге нумерация дверей в «старом» коридоре закончилась на «1407», а вместо последней двери обнаружился забетонированный оконный проем, на подоконнике которого скучал тоскливый, очень пыльный, маленький фикус. Я потрогала землю в горшке. Каменная. Вздохнула, подхватила фикус под мышку и отправилась на поиски уже вместе с ним. В конце концов, в компании интересно.

В «суперсовременном» коридоре я сначала вообще не могла понять, откуда тут начинается нумерация, потому что половина дверей была просто девственно-белой, без всяких опознавательных знаков, а численный диапазон на остальных просто восхищал. Через десять минут блужданий по кругу, с выходом на застекленную галерею, на два небольших балкончика и пожарную лестницу, в моей коллекции были и 1418, и 1441, и даже незнамо как затесавшийся сюда 4114. Однако 1408 было не видно и не слышно. Фикус немилосердно оттягивал руку, и я даже уже думала, что зря не взяла с собой Джу. Плюс-минус одна оттянутая рука уже даже не важны при таком раскладе.

В итоге я отправилась в «уютный коридор» и там за одной

дверью с надписью «Тихо!» наконец отыскала еще две узкие, обитые темно-коричневым дерматином, – 1408 и 1409. Потянула на себя нужную ручку, полностью готовая обнаружить внутри что угодно: заложенный кирпичами проем, ступеньку в небо, пустое «ничего», толпу людей с плакатом «розыгрыш!», ржущего Сигизмунда. Но за дверью оказались только давешний блондин, еще более измученный кастингами и документами, суровая девушка с ноутбуком и белокурый эльф Алла со злыми глазами.

– Привет, – сказала она, поднимая глаза от пачки бумаг. – Ты тоже прошла?

– Привет, – ответила я, медленно прикрывая за собой дверь и оглядываясь. Куда бы фикус пристроить, а? – Видимо, да.

– У вас отличный набор был, – пробормотал блондин, собирая для меня пачку бумажек. Кажется, счет шел на десятки. Это ж сколько времени их читать придется? – Пятеро прошло.

– Это потому что последний, – желчно заметила девушка. – Надо было добирать в любом случае.

– Вот мы и были готовы к «добирать», – примиряюще заметил блондин. – А в итоге не пришлось идти на компромиссы. Садитесь, Евгения. Вот ваши бумаги. Меня зовут Игорь, это моя коллега Ангелина, будем с вами работать и дальше. Мы организуем все выезды, озвучиваем задания, отвечаем на все вопросы. Потом запишете наши телефоны, звоните

когда угодно – и днем и ночью...

– Когда угодно, но в разумное время, – отрезала Ангелина. Посмотрела на меня таким взглядом, что мне тут же захотелось спросить, нет ли у нее в родственниках некоего Сигизмунда. – А лучше самостоятельно во всем разобраться сразу.

– Вот сначала разберусь, – задумчиво сказала я, усевшись на предложенный стул и перебирая бумаги на коленях. – А потом пойму, надо ли мне будет вам звонить.

– Отличный подход, – кивнула Ангелина.

– Угу, а то вдруг мне не понравятся условия, – я подняла глаза и мило ей улыбнулась: – Тогда и отнимать время у вас не придется, верно?

– Условия? – удивилась Ангелина.

– Те, которые вот в этих бумажках описаны!

Вы ж не думали, что я буду подписывать их, не читая?

Тут злой эльф Алла, не поднимая взгляда от документов, улыбнулась и молча показала мне большой палец.

– Именно! – просиял Игорь. – Гелечка, я ж говорил, что этап подписания бумаг можно было прописать в дизайне кастинга. Недаром мы выбираем умных девушек! Все, все они как одна говорят эту фразу в том или ином виде!

– И это замечательно, – проговорил кто-то.

Я вскинула голову и обнаружила, что в стене за шкафом пряталась дверь в смежную комнату. Теперь она была открыта, и к нам заглядывал некий господин в черном ко-

стюме.

Именно господин, а не какой-нибудь парень, мужчина, человек... В умопомрачительно белой рубашке с высоким воротом, в костюме черном, как небо в новолуние, с запонками на запястьях.

– А это Вадим, – просиял Игорь и всем своим видом начал напоминать собаку, которая хочет выслужиться перед хозяином. – Юрист нашего дорогого заказчика... то есть главного героя. Он в обязательном порядке сам беседует со всеми девушками.

– Очень рад. – Вадим поклонился, театральным жестом приложив кулак к груди. – Вы не представляете, как я рад с вами познакомиться.

– Вадим Вассаго. – Господин притворил за собой дверь и мягким, кошачьим движением скользнул к Алле. Взял ее руку и прижал к губам. В его исполнении этот жест не выглядел старомодным, странным или слишком показушным. Наоборот... я бы удивилась, если бы он повел себя иначе. – Приятно лично встретиться с вами, Алла. Ознакомился с вашими стихами в сети... Они очень, очень впечатляющи.

Алла в ответ улыбнулась кончиками губ и плавным движением высвободила пальцы из ладоней Вадима:

– Люблю, когда мои стихи хвалят. Тем более это довольно простой способ польстить автору. Еще можно сказать «они потрясающи». Или «так свежо и чисто!» Главное, побольше абстракции в восхвалениях. В принципе, гадалки и предска-

затели работают в той же концепции.

Вадим прищурился:

– Вы достойный противник. Жаль, что в программе шоу нет испытания «бой на острых фразах». Уверен, вы были бы хорошей кандидатурой на победу.

– Неужели?

– В одном из сонетов... Тринадцатом или четырнадцатом, простите, запамятовал, вы очень художественно сравнивали свой язык с жалом пчелы. Знаете, мне даже стало немного жалко героя, который не дожил до утра.

Злой эльф усмехнулся:

– В тринадцатом. Беру назад свои слова по поводу абстракций. Вы действительно их читали.

– Читал. – Вадим огляделся по сторонам, шагнул к черному кожаному дивану и опустился рядом с Ангелиной. Наклонился и задумчиво погладил фикус, горшок с которым я пристроила как раз там, возле журнального столика. – Из всех присутствующих здесь мне не знаком лишь этот почтенный цветок. Изучить информацию о вас – моя работа. Прежде чем вы встретитесь с Александром, мне надо знать, что вы не наемные убийцы, не родственницы конкурентов, не эскортницы...

– Спасибо на добром слове, – сказала я, не поднимая взгляда от документов. Вопреки опасениям, там было все достаточно четко, прозрачно и разумно. Никакой торговли людьми и конских штрафов за несоблюдение иллюзорных

договоренностей. – А что, нет отбоя от последних?

– Евгения, мы их отсекаем еще на первой стадии. Неужели вы думали, что мой подопечный согласился бы участвовать в банальном шоу, где идет торговля достижениями современной пластической хирургии и участницы соревнуются в пошлости самопрезентации?

Воу, как завернул-то. У нас что, рэп-баттл, кто ярче сверкнет богатством лексики?

Тут я все-таки подняла глаза и обнаружила, что Вадим в упор смотрит на меня.

Изучающе. Хитро прищурившись. Так, как будто – или не будто, а на самом деле? – все обо мне знает. И в глазах у него не то чтобы прыгают черти... Не-е-ет. Они прямо-таки отплясывают канкан, и тихий омут вверх дном, водяные упились до синевы, а русалки радостно визжат и закусывают водорослями. Глубокий, короче, взгляд. Не заметишь, как утонешь.

– И как вам мой моральный облик? – Я похлопала ресницами, соорудив на лице выражение «дурочка с переулочка напрашивается на комплимент». – Вас не смутили мои хулиганства? Походы по ночным клубам? Распитие спиртных напитков? Шпиль МГУ, опять же?

– Каждый развлекается как может, – пожал плечами Вадим. А из-за его спины выглянула Ангелина и укоризненно покачала головой. Мол, как знала, как знала! Мне эта рыжая сразу не понравилась!

– А вы как развлекаетесь?

– Крючоктворствую, – усмехнулся он. – Как и положено юристу. Давайте еще раз проверим все документы... Игорь, я правильно понимаю, что всех остальных девушек мы уже оформили, эти последние?

– Крайние, – буркнула Ангелина.

Мне тут же захотелось дать ей в глаз. Прямо кулаки зачесались.

Но я сдержалась. Просто очень хотелось побыстрее разобраться со всей этой неважной волокитой. Чтобы потом спокойно заниматься важными вещами. Например, решать, тащить ли в парк вместе с фикусом, или ехать домой, или, может, оставить его на чье-нибудь попечение...

Вот Вадиму, например. А что? «Господин юрист, не приютите ли вы у себя мой фикус на ночь? Его зовут Степан, и он боится темноты. А у меня дома отключили свет, а электрик будет только завтра, так что сейчас я ищу Степану временное пристанище... А вы ему с первого взгляда, кстати, понравились!»

Так. О чем я думаю.

Вот об этом черноволосом, сероглазом, выбритом до синевы бледном красавце? Который абсолютно не в моем вкусе, да еще и играет за противоположную команду? Женечка, блин! Нашла о ком думать!

– Значит, так. Главное организационное! – заговорил Игорь. – Работаем не в прямом эфире. Начиная с завтра,

съемки каждый день в течение двух недель. Берем с запасом, вдруг придется переснимать. Всего восемь выпусков. По программе они будут раз в неделю, старт в начале июля, поэтому подписываем эмбарго.

— Хоть слово, хоть полслова, хоть кусок кадра в этих ваших блогах или твиттерах — сразу до свидания! — Ангелина тут явно за злого полицейского, угу. — До начала сентября молчите и носа никуда не показываете. Чтобы у зрителей сохранялась интрига.

Ага. Интрига. Я нашла нужный документ. Да-а-а, вот тут штраф за разглашение нормальный такой, три ляма... С одной стороны, спасибо, что не в долларах. С другой стороны, кто мне что разгласить может? Джу? Или Сигизмунд, который со мной — слава небесам! — не разговаривает? Как раз со съемками уложусь до приезда сестры. А если вылечу до финала — то еще быстрее. Идеальный тайм-менеджмент... Только сегодня можно я уже пойду, а?

Провожая меня, Игорь трижды напомнил, что завтра надо быть в восемь тридцать, ни в коем случае не позже, что форма одежды любая, инструкцию мне выдадут на месте, а по времени рассчитывать, что съемка займет минимум двенадцать часов.

Я кивала, уверяла, что все-все поняла, перекладывала фикус из одной руки в другую, отступала спиной вперед, чтобы не показаться невежливой, и улыбалась изо всех сил. Исключительно из любви к искусству. Потому что Алла только

что ретировалась хмуро и быстро, оборвав Ангелину на полуслове и подмигнув мне на прощание. Значит, для сохранения художественного баланса мне нужно полить немного сладкого меда. Или пролить.

– Хорошо, что меда, а не масла!

Сначала я подумала, что это мой внутренний голос, потом поняла, что никогда он у меня не говорил таким приятным мужским баритоном. Обернулась и обнаружила за спиной Вадима с бумажным стаканчиком кофе. Вот ведь. Мысленно я поставила себе зарубку следить за ним внимательнее. Потому что не заметила, как он ушел, а потом не заметила, как пришел. И оказался совсем близко. А это абсолютно непростительно – и просто из соображений «держи ушки на макушке», а уж для ведьмы – тем более.

И дополнительно в папку «странное» добавим тот факт, что он... читает мысли? Или как-то очень созвучно им шутит?

– Тут же нет поблизости трамвайных путей, – невинно заметила я.

– Так и вас не Аннушкой кличут, – подхватил юрист.

– Ну раз так... – с притворной скорбью вздохнула я, – буду убегать прочь. Пока-пока!

– Кофе не хотите? Тут на первом этаже... – крикнул мне вслед Вадим, но сегодня любой, самый вкусный кофе на любом этаже не мог бы меня остановить. Я и так потратила на подписание бумаг преступно много времени. Вдвое больше,

чем собиралась.

– Ну и что мне делать с тобою, дружище? – спросила я фикус, когда мы с ним ехали вниз на лифте и смотрели в пыльное зеркало. – Вместе потащимся? Будешь помогать мне от черных теней отбиваться?

Фикус задумчиво промолчал в ответ.

Но в любом случае не оставлять же его здесь? А то доведут же беднягу до смерти. Я вздохнула, ковырнула ногтем каменную землю в горшке, вылетела на улицу и очень быстро пошла к метро. Настолько быстро, насколько позволяли высокие каблуки. Вечно я совершаю одну и ту же ошибку. Иду «на дело» на каблуках. И ведь ничему меня жизнь не учит.

Подходя к метро, я внезапно осознала, что, во-первых, уже изрядно устала. Так, как будто не ручкой по бумаге водила, а грузила мешки с цементом. Во-вторых, мне отчаянно хотелось пить и есть. Возможно, кофе на первом этаже бизнес-центра был хорошей идеей... И чего я отказалась? В-третьих, надо было выдохнуть и спланировать оставшуюся часть дня.

Я ненавижу планировать.

Но иногда без этого не обойтись.

Я нырнула в ближайшую кафешку и тут же, не глядя в меню, попросила:

– Американо, сэндвич и большой стакан воды.

– Газированной?

– Нет, можно даже из-под крана. Это моему спутнику, – и кивнула на фикус.

– Кхм, – официантка хотела сначала что-то сказать, но потом проглотила фразу и отправилась к стойке. Вот спасибо. Хороший повод дать чаевые.

Пока несли заказ, я достала телефон и начала считать, сколько времени у меня уйдет, чтобы добраться до квартиры, устроить дома фикус, сделать внушение Джу, чтобы его не жевала, поехать в Сосновку, дойти до места от метро, найти нужную аллею... Поморщилась и потерла переносицу. Если бы не последний пункт, я бы идеально все успевала. Но вместе с ним...

Так, а если не заезжать домой, сделать поправку на уменьшение своей скорости из-за фикуса и... О, можно спрятать его в кустах на входе в парк. А потом забрать, когда буду уходить. Отличный план. Так и поступим.

Тут как раз принесли сэндвич с ветчиной и воду для господина цветка. Я потянулась к нему, вылила полстакана в горшок и смотрела, как влага стремительно впитывается в землю.

– Угощайся, – пробормотала я. – Надеюсь, ты не забудешь мою доброту, и если вдруг папоротник какой-нибудь там твой дальний родственник, замолви за меня словечко, ок?

Погладила блестящий листик.

– Мне просто позарез нужно повернуть ключ в сердце, –

зачем-то прошептала я цветку то, что и себе-то не осмеливалась говорить пока. – А то у меня чот резьба к миру не подходит. Все такое... никакое. Сдохнуть можно.

Потянулась к фикусу, чтобы вылить остатки воды на землю, и тут меня толкнули под локоть. Я махнула рукой, чуть не уронила стакан, поймала стакан... завалилась вбок и толкнула горшок с цветком так сильно, что он проехался по гладкому столу и грохнулся на пол.

– Упс, – сказала я, глядя на осколки. – И что теперь с тобой делать?

– Евгения, простите! – Так, опять он подошел со спины, неожиданно и не вовремя. Подкрался. Продемонстрировал умение в стиле «стэлс». Класс, что тут скажешь. – Не хотел вас задеть...

Я обернулась и смерила Вадима яростным взглядом:

– Вы меня преследуете?

– Да, конечно, – кивнул он и протянул мне папку с документами. – Игорь забыл отдать часть ваших экземпляров. А у меня все равно в этой стороне машина припаркована, так что я за вами и поспешил.

– И задели.

– Получается, задел, – развел руками Вадим. Мол, виноват, что тут поделаешь. И тут же поймал проходящего мимо официанта. – Скажите... а можно у вас купить посудину какую-нибудь?

– Посудину? – удивился тот.

– Жаль, что у вас в интерьере ни одного цветка в горшке...
Из кафе мы вышли минут через двадцать. Все вместе.

Я с грязью под ногтями, фикус в здоровой прозрачной банке из-под зернового кофе и незнамо чему улыбающийся Вадим. Возможно, его позабавил процесс собирания липкой земли с пола и запихивания ее по новому адресу. Я даже неистово пожалела, что успела полить бедолагу-цветка до его падения. С сухой землей было бы как-то поприятнее.

Но тут уж как сложилось. Лишние двадцать минут я потеряла.

– Хотите, я вас подвезу? – спросил Вадим, кивая на фикус, который выглядел как лучшее оправдание для любых предложений. – Чтоб его в метро не помяли. А то час пик уже...

– Хорошо, – согласилась я зачем-то. И это было фатальной ошибкой.

В самом деле, что может случиться, если ты вдруг мало-душно решила проехаться на машине вечером, забыв о том, что это конец рабочего дня? Разве могут тебя преследовать какие-то неудачи и изменения планов, если ты всего лишь едешь через две трети города с юга на север? И, конечно же, не посмотрела заранее ни на какие планы перекрытия дорог и прочие незапланированные штуки...

Ладно.

Через полтора часа я придумала себе ровно два оправдания.

Первое. Фикус, зараза, был дьявольски тяжел.

Второе. Вадим, зараза, был дьявольски обаятелен.

Даже когда его в пробке подрезал адский таксист на раздолбанном «логане» и чуть не снес зеркало, господин юрист выругался так изящно и витиевато, что ничуть не выпал из образа. А я пополнила словарный запас.

Но когда мы уже третий раз за два километра намертво застряли, точнее завязли, в трафике, я не выдержала. Влияние веса фикуса и харизмы Вадима изрядно ослабело, потому что время все быстрее утекало сквозь пальцы. Еще немного, и можно будет уже никуда не ехать.

– Как вы думаете, Вадим, – пробормотала я, оглядываясь по сторонам. – Если я вот сейчас прямо, из машины в третьем ряду, выйду на мостовую... вас оштрафуют?

– Камер тут нет, так что вряд ли.

– А меня оштрафуют?

– Если поймают.

– Значит, придется сделать так, чтобы не поймали.

Я наклонилась, расстегнула ремешки на босоножках и раззулась. Вытянула из сумки удачно оказавшийся там пакет и аккуратно загрузила туда обувь. Пошевелила пальцами на ногах. Ооо, какое блаженство. Уставшее тело тут же малодушно стало мне нашептывать, что ничегошеньки не случится, если мы с ним посидим тут еще хотя бы пару минуточек. Но я мужественно его не слушала.

– Так! Дружочек фикус. Смотри, вот мои туфли. Охраняй их, пожалуйста.

– Какой multifunctional охранный фикус, – восхищенно присвистнул Вадим. – Даже туфли охранять умеет.

– А то! Именно за этим я его с собой и ношу, отлично стоит на посту. Оберегает обувь, одежду, людей, машины, прочие ценности. Но требует бережного отношения.

– Это понятно...

– Во-о-от. Поэтому, Вадим, можно я вас попрошу об одной услуге?

Вадим в ответ так улыбнулся, что на секунду мне показалось: сейчас он согласится, но взамен попросит как минимум душу. Уж больно хитер, чертяка. По глазам видно.

– О какой же?

– Пожалуйста, присмотрите за фикусом, пока он присматривает за моими босоножками. А то мне будет неудобно выбираться из машины, а потом бежать до метро вместе с ними.

– Уверены, что хотите выйти? – Вадим обеспокоенно повертел головой по сторонам. Действительно, мы были в крайнем левом ряду на эстакаде. Самое что ни на есть удобное место для того, чтобы покинуть транспортное средство. И до метро было далековато... Километр как минимум. – Может, проедем еще немного, и я постараюсь посадить вас в каком-нибудь более удобном месте?

– Нет, – я покачала головой и потянула на себя ручку двери. Она не шелохнулась. – Разблокируйте дверь, пожалуйста.

– Сейчас... – Вадим щелкнул кнопкой на приборной панели. Я снова потянула ручку на себя.

Эффекта ноль. – Ничего не понимаю. Электроника шалит.

– О, этот бич дорогих машин, – я закатила глаза с таким видом, как будто каждый день минимум по два раза езжу на дорогих машинах. – Ну, пригрозите ей. Попросите быть серьезной.

– Я пытаюсь. – Вадим хлопнул ладонями по рулю. Кажется, он действительно злился. Или это он так мастерски играл, а сам специально не выпускал меня наружу? Кто ж его разберет... – Давайте доедем до места, где остановка все же разрешена, я заглушу мотор и попытаюсь еще раз.

– Окей, – согласилась я и посмотрела на часы. Охх, нет, не окей. – А люк у вас в крыше есть?

На всякий случай спросила. От безысходности. Потому что никакого люка у нас над головой видно не было.

– Есть, – вдруг ответил юрист, потянул за какой-то рычажок, и крыша автомобиля стала складываться и поехала куда-то назад. Вау! Вау-вау-вау! Я тут же ухватила за верхний край двери и встала. В лицо ударило горячим летним ветром с запахом бензина и пыли. Вадим выругался сквозь зубы и принялся ловить какие-то листы, разлетевшиеся по всему салону. Я подпрыгнула и поймала бумажку, которая коварно пыталась уйти в самоволку у меня над головой.

Расправила ее и расхохоталась, глядя на цветную распечатку фото.

– Что? – поднял на меня глаза Вадим.

– Только не говорите мне, что это тот, о ком я думаю... – протянула бумажку Вадиму.

– Вообще вы его не должны были видеть до завтра.

Я фыркнула.

– А он завтра будет в этом же золотом костюме? Таком... блестящем? А почему тогда без ослиных ушей? Образ царя Мидаса неполный!

Пришел через Вадима закатывать глаза.

– Евгения, вам знакомо понятие «гиперболизация»? Или там «сценический эпатаж»?

– Вижу, Александру они хорошо знакомы... – кивнула я. – Берегите мой фикус, пожалуйста.

Запрыгнула на сиденье, шагнула на приборную панель и перебралась на капот через лобовое стекло. Только потом подумала, какой сказочный вид, должно быть, открылся при этом Вадиму. Хорошо, что я не средневековая дама и не падаю в обморок от смущения, обнажив даже щиколотку, не говоря уже о большем! Соскользнула на мостовую, помахала на прощание фикусу с юристом – или наоборот? – и побежала со всех ног, уворачиваясь от машин и наслаждаясь завистливыми взглядами людей, запертых в этих железных коробках.

К моменту, когда впереди показался вход в метро, мои ноги уже просили пощады.

С одной стороны, бегать босиком – это бесподобно. Потому что как в детстве, потому что отбросив условности, пото-

му что легко и свободно.

С другой стороны, очень не хватает крыльев за спиной, чтобы поднимать тебя в воздух каждый раз, когда под ногами встречаются острые камушки, выбоины в асфальте и пятна машинного масла.

Километра босиком мне по горло хватило. Да, это точно быстрее, чем на каблуках, и да, моего запала и энтузиазма хватит на путь до Сосновки, а потом домой. Но иногда пяточки и пальчики нужно пожалеть. И дать им отдохнуть.

– Сейчас-сейчас, – пробормотала я. – Мы спустимся в метро и целую, целую одну остановку проедем под землей. И на эскалаторе отдохнем! И на холодненьком полу станции...

Тут я подняла глаза и обнаружила фактически перед носом, на дверях станции, наиприятнейшее объявление: «Вход пассажиров на станцию «Пионерская» ограничен до 6.00 22 июня».

Это как вообще, а?

Я на секунду зависла, пытаюсь сориентироваться. Полезла было в телефон, выяснять, какой автобус мне подходит... Или такси заказать? Потом подняла глаза и нервно рассмеялась. Пробка и не думала рассасываться, несмотря на то что время уже шло к десяти вечера. Что за транспортный коллапс, а? Как назло!

Хорошо-о-о-о... Тут вроде недалеко, если срезать через Удельный парк, а потом по Дрезденской улице... Конечно, ноги меня к полуночи проклянут, но тут уже вопрос стоит

ребром: успею или не успею. Ладно. Вот тут пригодилась бы сказочная ведьминская метла... на которой я, во-первых, толком не умею летать. А во-вторых, мне что, забираться на нее на глазах у всех вот этих прохожих? Вот после этого ковен точно по головке не погладит!

За этими мыслями я не заметила, как перешла дорогу, обогнула большой торговый центр и пошла по дорожке парка. Гравийной, чтоб ее. Ладно, буду утешать себя тем, что это отличный массаж стоп. Лучше любого тайского. И бесплатный! И только я немного успокоилась и начала улыбаться, как вдруг мне навстречу выскочил встрепанный парень.

– Девушка, стойте! Туда нельзя!

– Куда «туда»?

– Прямо по этой аллее. Мы всех разворачиваем!

– А если мне парк насквозь пройти нужно...

– По периметру! Разворачивайтесь и давайте по периметру!

Тут я просто взорвалась от ярости. От этих дурацких пробок, и закрытого метро, и «всех разворачиваем».

– Вы что, издеваетесь? Я опаздываю! Там что вообще...

– Выставка-пристройство бродячих собак. Была. А теперь там хаос.

– Она сплыла?

– Они сбежали. Обвалили стену павильона. Кто ее ставил, я бы головы пооткрутил... Теперь там несколько десятков псов. На свободе. Довольно нервных. Без намордников. Пока

их всех не поймали...

– А может, уже поймали?

– Хотите помочь?

– Ч-ч-черт, – я отступила на шаг и потерла лицо руками. Хотелось то ли плакать, то ли ругаться. То ли смеяться.

Будь я не босиком, наверно, решила бы наплевать на парня и ринуться напрямик. Понадеявшись на то, что собаки будут заняты своими ловцами, а бегущая я их не заинтересую.

Но бежать босиком, посекундно думая, что за голую пятку может тяпнуть «довольно нервный» пес... Так себе удовольствие. Да и скорость у меня не та, чтобы смело рисковать. И честно говоря, собаки не слишком любят ведьм, особенно тех, у кого дома фамильяр-кошка.

– Ладно. – Я развернулась и пошла назад. Вытащила телефон. Черт. Черт-черт-черт! Я до Сосновки хотя бы просто дойти успею? Ладно. Отставить панику. Успею. И пусть мне повезет с местом цветения папоротника, хорошо?

В ответ весело звякнул телефон.

Я достала его и прочитала: «Привет, это Игорь. Общая рассылка участницам. Форма одежды завтра – максимально удобная. И если у вас есть любимый кухонный передник, то берите его с собой».

Так. Это что у нас намечается в качестве первого этапа отбора? Кулинарный конкурс, что ли?

«Как хорошо! – простонали мои бедные пятки. – Как хо-

рошо, что не кросс по пересеченной местности!»

Охх. Люблю, когда в сложных ситуациях хотя бы какая-то часть тела остается полной веселого оптимизма.

Потом я уже перестала считать преграды на пути к цветущему папоротнику.

Дерево, упавшее в аккурат поперек тротуара, по которому я шла.

Вывороченная из земли опора «чертовых ворот», которые прямо-таки приглашали пройти под ними и получить полную шляпу неудач. Или за неимением шляпы – охалку.

Драка гопников, прямо серьезная, стенка на стенку, и прибывшие на место полицейские, которые срочно желали всех мирных прохожих записать в роли понятых. Хорошо, что, когда надо, я могу быть сугубо незаметной.

Старушка, которая слезно просила меня проводить ее и помочь донести сумку... Естественно, в противоположную от Сосновки сторону. Пришлось отводить ей глаза, хотя это, конечно, немного свинство!

Наконец, закрытый вход в сам парк и никаких табличек, в какую сторону идти к ближайшему открытому.

Но что мне какие-то запертые ворота...

Я перелезла забор, спрыгнула на траву и воинственно потрянула головой.

Ну, что еще пойдет не так, а?

И тут в глубине души что-то тихонечко и очень противно пискнуло. Я прислушалась. Интуиция, ты, что ли?

А ведь и вправду. Даже обычные люди, не верящие в мистику и совпадения, иногда отказываются от задуманного дела, если обстоятельства уж слишком показательно не складываются. Опаздывают автобусы, не приходят на встречу нужные люди, теряются бумаги... То есть мир всеми силами подсказывает – НЕ НАДО.

Тут же вселенная прямо-таки вопит и надрывается: Женя, брось, НЕТ! А я пру и пру напролом... Нет бы остановиться на секунду и задуматься.

Только... если сейчас повернуть назад, то получится, что все было зря? Что сон никакой не вещий, что приехала я в Питер в итоге реально за миллионером гоняться, а не важными делами заниматься, что... Ужасно захотелось расплакаться, прямо здесь и сейчас. Побывать несколько мгновений маленькой девочкой и ничего не решать.

Интуиция настаивала: разворачивайся и иди домой. Хватит уже того, что ты досюда добралась. Молодец. Возьми с полки пирожок.

Та часть натуры, которая отвечала за волю к победе, вопила: вперед! Совсем немного осталось! Кстати, ноги тоже были на ее стороне. А то зря я, что ли, несколько километров босиком топала?..

И кто знает, как бы завершилось это противостояние, если бы я не прошла несколько шагов и не увидела на кусте птицу. Ровно такую, как во сне. Будто зачарованная, протянула к ней руку, а птица тренькнула что-то и медленно по-

летела вперед, с ветки на ветку, то и дело оглядываясь. Мол, ты идешь следом? Иди же, иди...

– Я только посмотрю... – пробормотала я враз пересохшими губами и пошла.

Зря я боялась опоздать, тут было совсем недалеко. Пара сотен метров. Лужайка оказалась ровно такой, как во сне. В центре ее покачивался папоротник. Странно... ветра совсем не было, а он трепетал и дрожал.

Я шагнула было вперед, к нему, и тут интуиция просто истерически завопила:

– Стой!

Я замерла – скорее от удивления, что у меня настолько громкий внутренний голос, а не от желания ему повиноваться... и тут перед моим лицом в воздухе что-то свистнуло. И с громким «чпок» вонзилось в ствол дерева на краю поляны. Я рефлексивно отшатнулась, поэтому следующее «что-то» тоже пролетело мимо.

Тут я просто рухнула на четвереньки, и очень вовремя.

Третья стрела чудом не задела плечо, воткнулась в землю совсем близко.

Что и говорить, личное реалити-шоу у меня прямо захватывающее получается. И конкурсы интересные! Я прижала локти к бокам и покатила по траве. Следующие две стрелы свистнули опасно близко, но я уже была рядом с деревьями... Хотя бы не на открытом месте! Тут уже можно вставать и пытаться бежать.

И я побежала.

Никогда в жизни я так не бегала.

В темноте, не разбирая дороги, чувствуя себя лисой, которую загоняют охотники. Я петляла, путала следы, меняла направление, шарахалась из стороны в сторону, чтобы не получить стрелу в спину, и ужасно, до трясучки злилась. И боялась одновременно. Этот микс эмоций наполнил меня адреналином до такой степени, что казалось, еще немного, и кровь вскипит, а я просто взлечу... без крыльев и метлы. Просто так. От ужаса и ярости.

Как они только смели?!

Как я могла так вляпаться?!

Одна из стрел все же оцарапала мне плечо... или это был просто острый шип на ветви куста, через который я продиралась? Не знаю. Просто не было времени остановиться и понять.

На счастье, я вылетела к одному из выходов, где ворота были открыты, несмотря на поздний час – не хочу даже представлять, как оно: лезть через забор, когда из темноты целятся тебе в спину. Бросилась на тротуар, на свет, к припаркованным машинам и паре ночных прохожих... И только оказавшись под фонарем, оглянулась. Сзади никого не было. Кем бы ни был мой преследователь или преследователи... они остались позади. Там, в парке.

Пискнул заранее заведенный будильник на телефоне.

Полночь.

Я вытерла грязную щеку, привалилась к фонарному столбу и заказала такси. Пока машина ехала ко мне, успела еще подумать: да уж, хорошо, что фикус остался у Вадима. Только его тут и не хватало для полноты картины.

Когда я зашла в квартиру, все уже спали.

Джу тихонько посапывала рядом с моей кроватью. Сигизмунда тоже что-то нигде не было видно. Такая уж ночь. Либо на Ивана Купалу у тебя приключения, либо ты спишь, соблюдая баланс магических сил в этом мире. Третьего не дано.

В ванной я стянула платье и принялась рассматривать в зеркало полученную рану. Ничего серьезного, просто царапина... Но это явно был не шип. Так ровно он бы не разрезал кожу. Я закусила губу, тщательно промыла рану перекисью и стянула края пластырем. До свадьбы заживет. До чьей-нибудь – уж точно!

Только вот потом я не смогла уснуть.

Лежала, ворочалась, а перед глазами снова и снова всплывал тот папоротник. Он ведь был так близко. Может, я могла... Или не могла. Или могла просто там умереть. От этой мысли мне стало ужасно холодно. Я подхватила Джу с лежапочки и устроила себе под бок. Лучшее средство от ночных кошмаров. Даже если они не во сне, а наяву.

В шесть часов я наконец заснула.

А в семь меня разбудил отвратительно бодрый Игорь.

– Евгения! – пропел он в трубку. – Первый день, и уже

форс-мажор. Мы меняем локацию.

– Какую... локацию? – сонно пробормотала я, мечтая, чтобы и Игорь, и отбор невест, и прошлый вечер оказались всего лишь дурным сном.

Но нет.

– Мы выдвигаемся в Ораниенбаум! – весело проорал Игорь. Интересно, как он только язык не сломал, произнося это слово поутру, когда нормальные люди не артикуляционный аппарат упражняют, а только зевают сладко. – В Китайский дворец! То есть на Китайскую кухню!

– Огонь, – пробормотала я, думая: «Провались ты в тартарары! Вместе с кухней и дворцом!» Но вместо этого спросила: – А с собой-то что брать, ну, кроме фартука?

Глава 5, в которой летает масло и страдает сельдерей

– Ничего с собой не берите! Но заранее скажите, что будете готовить! – голос у Игоря был полон энтузиазма.

– То есть у вас там запасы продуктов на все случаи жизни? – уточнила я, зевнула и совершила наконец подвиг – вылезла из-под одеяла и встала с кровати. – Натурально царские запасы, раз уж мы во дворце?

– Нет! – радостно ответил Игорь.

– А как же я могу заранее заявить блюдо, если не знаю, есть ли на него продукты?

– Сами увидите!

– Ага... – Я пошевелила пальцами на ногах и поморщилась. М-да. После вчерашней прогулочки для грядущего приготовления просилось что-то, не требующее перемещений вдоль кухонного стола. Где встала, там и сделала. – Я прямо сию секунду должна огласить блюдо?

– Нет, у вас есть пятнадцать минут. Пришлите сообщение! А если не пришлете, то считайте, что первый этап отбора вы провалили! – ошастливил меня Игорь и наконец отключился.

Я все поняла. Это не кулинарный конкурс. Это провер-

ка на умение быстро мыслить и соображать в неприличную рань.

Джу открыла глаза и сладко зевнула, демонстрируя розовый язычок и острые зубы. Потом вздрогнула и скользнула с кровати на пол. Обеспокоенно тронула меня лапой, посмотрев наверх, на заклеенную пластырем руку.

– Мяу? – мол, что случилось? С тобой все в порядке?

– В полном, – кивнула я. И вправду, насущные заботы отодвинули вчерашние события на второй план. Погоня в парке сегодня с утра казалась какой-то... ненастоящей, что ли. Раз так, то спасибо Игорю за звонок, реалити-шоу и иже с ним. Чем быстрее переключаешь мысли и приходишь в себя, тем веселее живется. – Джу, пошли на кухню. Нам нужно срочно решить, что готовить.

На кухне уже сидел Сигизмунд и облизывал усы из молочной пенки, которые художественно дублировали его собственные усы. Он дождался, пока мы с Джу прошли мимо него и устроились за дальним краем стола. Я – в ожидании кофе от кофемашины, а она – умываясь лапкой.

– Олады, – веско проговорил Сигизмунд.

– Что «олады»? – не поняла я. – Ты снова начал со мной разговаривать, потому что твой личный повар уволился, а ты тоскуешь без утренней выпечки?

– Напиши организаторам шоу, что ты будешь готовить олады.

– То есть ты подслушивал?

– Я шел в вашу комнату узнать, как ты после ночного нападения.

– Не было никакого...

– Эльфы говорят, что вчера в городе убили двух ведьм. Немного, учитывая, сколько шабашей было запланировано и в скольких местах все же расцвел папоротник, но... – он замолчал на секунду, подбирая слова. – Я присматриваю за тобой, а значит, отвечаю за твою безопасность. Я не должен был вчера спать.

– Что бы ты, интересно, сделал, – фыркнула я. Скорее от удивления, чем от возмущения. Надо же... присматривает он за мной. – Бежал впереди и показывал путь? Или притворялся меховым манто?

– Если бы я знал, куда именно ты намылилась, я бы послал с тобой группу поддержки.

– Еще пару котов?

– Кого-нибудь побыстрее. – Сигизмунд скривился так, будто у него заболели все зубы разом. – Но я ничего не знал, потому что кто-то наврал, что его интересует только конкурс.

– Интересует! И если я сейчас им не отвечу...

– Пиши «олады».

– И что тогда, ты пошлешь группу поддержки?

– А надо?

– Ты шутишь? – Я аж кофе поперхнулась. – Я похожа на совсем безнадёжную личность, которая к сковородке без по-

сторонней помощи не знает, как подойти?

– На всякий случай. Конкуренток отвлечь. Контрабанду пронести. Подбодрить, в конце концов.

Я задумалась. Звучало прикольно. Но группа поддержки от Сигизмунда... аaaa! Они ж будут за мной шпионить для него. Обсуждать и комментировать, что я не так сказала или сделала. А если говорить о пользе...

– Так почему именно оладьи?

– Потому что их можно готовить фактически из чего угодно. Я так понимаю, списка продуктов нет. Значит, придется импровизировать. И поэтому нельзя называть блюдо, которое подразумевает за собой нечто конкретное. Вот возьмем сырники. Конечно, их можно сделать и из творога, и из рикотты, и из сыра... – тут Сигизмунд мечтательно прищурился. – Но если основного элемента нет, то из ржаной муки с рубленой крапивой сырники, как ни бейся, не приготовишь.

Хм. Зерно истины в его словах было.

Тем более пятнадцать минут уже почти прошли.

И я написала Игорю «оладьи». А потом на всякий случай добавила: «Уже выхожу из дома! Не уезжайте там без меня!»

Когда я выходила из дома, Джу смотрела на меня такими глазами, как будто я собиралась бить палкой котика из «Шрека». Во взгляде читалось: «Хозяйка, ты чего? Ты и вправду собралась это делать? Честно-честно? Ну, гляди, я буду плакать!» Невозможно уйти просто так, не ответив на такой взгляд. Просто невозможно. Ну разве что Петер Мунк

смог бы, пока у него было каменное сердце.

Поэтому, уже капитально рискуя опоздать на автобус, я в четвертый раз за утро уселась перед ней, обняла за шею и уткнулась носом в пушистую макушку. И прошептала:

– Со мной ничего не случится. Честно-честно. Сколько раз повторять. Я там буду не одна. И в парк тот больше не пойду. Честно-честно не пойду.

– Мяу?

– Тебя я не могу взять с собой, пойми. Надо сначала все разведать. Может, там, на шоу, кто-нибудь будет с этими... мини-собачками, которые только и годятся на то, чтобы их в виде аксессуара за собой таскать. Или нет, стой! Вдруг Александр фанат пираток? И там будет одноногая девица с попугаем на плече! Вот тогда я точно возьму тебя на следующее испытание. Если попугая и собаченьку можно, то почему котю нельзя?

Тут рядом возник Сигизмунд.

– Только не говори мне, что ты тоже пришел поволноваться.

– Нет, я пришел сказать Джу, чтобы она не переживала. Потому что я выделяю тебе опергруппу.

– Я ж сказала, что сама справлюсь!

– Ты справишься с конкурсом. Они справятся с наблюдением.

– Блин! – Я злобно посмотрела на Сигизмунда: – Что за любовь к конвоям и ограничениям?

– Если мы кого и ограничим... – мурлыкнул кот. – То разве что тех, кто надумает за тобой следить.

– Ты думаешь, что вчера...

– Я уверен, что это не случайность.

– Ладно, – иногда проще согласиться, чем спорить. Вот как сейчас, когда времени не то чтобы нет, его просто отрицательное количество.

Я махнула Джу, хлопнула дверью и, не дожидаясь лифта, ссыпалась по лестнице, громко и замысловато чертыхаясь. На угрожающе распахивающуюся дверь в комнату консьержки я просто крикнула «бу!» и успела вылететь из подъезда до того, как в спину мне полетели пожелания доброго утра и прочие теплые слова.

Так. Добежать до метро, потом до Автово... сколько, кстати, ехать до этого самого Автово? Там из метро направо, и где-то будет ждать автобус... Черт, опаздываю! Впрочем, я всегда опаздываю. Это как с динозавром из анекдота. Его либо встретишь, либо не встретишь на улице, вероятность пятьдесят на пятьдесят. Так и с опозданием. Либо Женя опаздывает, либо задерживается. Ну, еще иногда случайно приходит вовремя. Или прибегает вовремя с языком на плече. Вероятность каждого исхода – двадцать пять процентов. Такое богатство выбора...

Я остановилась перед пешеходным переходом, нетерпеливо постукивая ногой по асфальту, и тут на столбик на краю тротуара буквально плюхнулась толстая чайка. И ска-

зала мне:

– Привет!

– Привет... – удивилась я. Нет, существуют в мире ведьмы, которые любят и могут говорить с птицами, но я точно не из их числа. Чтобы со мной заговорило пернатое, это его совсем прижать жизнь должна...

– Я Карлос, – кивнула чайка. – А вон Клара.

И махнула крылом через дорогу. Там на светофоре топталась чайка поменьше, довольно изящная на вид, но слегка побитая жизнью. С растрепанными перьями и подбитым глазом.

– Нас послал Сигизмунд.

– Ааа... – протянула я. – То есть вас не жизнь прижала...

– А? Что?

– Эт я о своем. – Тут загорелся зеленый свет, и я рысью побежала через дорогу. – Про... прости, видишь, я бегу, говорить не могу...

– Ты только это! – вскричал Карлос, срываясь в воздух и примериваясь усесться мне на плечо. Только чайки мне еще вот тут, на светлой футболке, не хватало! Декор «дырки и грязь от птичьих когтей». Хит сезона! Поэтому я обернулась к нему, не останавливаясь, и шикнула:

– Стоп! Я опаздываю! Давай потом... познакомимся?

– Ты тока скажи, куда лететь! А то мы в метро не очень...

– Ваще не очень, – радостно подтвердила Клара. – Драться там отлично, а вот ездить – так себе.

Ох, ничего ж себе опергруппа. Я ожидала каких-нибудь домовых. Вечно сонных и ворчливых. Ну или эльфов городских. Ушастых эстетов, которые вечно правы. А если не правы, то смотри пункт первый. Но чайки? Которые любят махать в метро? Это что-то неожиданное...

– Автово, – буркнула я. – А потом Ораниенбаум. Летите куда удобнее.

– Мы поглядим! – весело отозвался Карлос. – Надо будет еще толком познакомиться... но это потом! Удачи!

– Спасибо, – машинально ответила я и нырнула в метро. Еще только чайки мне удачи в этой жизни не желали. В автобус я запрыгивала в последний момент.

Нет, скорее так: всегда мечтала запрыгнуть в движущийся автобус, который притормозил на светофоре, а я тут как тут. Веселая и красивая. И немного растрепанная, но это издержки бега от метро.

Сидящий на переднем сиденье Игорь покачал головой, но ничего не сказал. Ангелина рядом с ним желчно процедила:

– Еще немного, и вы бы вылетели до начала отбора.

– Спасибо, Капитан Очевидность! – Я прижала кулак к сердцу и показательно всхлипнула: – Что б я без тебя делала!

И отправилась по проходу. Изучать соперниц и искать место, чтобы сесть. А то при мысли о том, что надо будет стоя ехать всю дорогу до Ораниенбаума, мои несчастные ноги начинали негодовать. Им и метро хватило, угу.

Примерно через десять шагов я поняла, что либо не было

никакого пункта про внешность участниц в руководстве для персонала, либо выглядел он как «НЕ ПОВТОРЯТЬСЯ!» Потому что все девушки были действительно очень красивы, при этом красивы оригинально, и ни одного похожего типажа. Типичная блондинка с розовыми нарощенными ногтями сидела рядом с роковой брюнеткой, узкоглазая калмычка с белоснежным круглым лицом спорила о чем-то с настоящей снежной королевой – четкие черты лица, льдисто-голубой взгляд, короткая креативная стрижка, будто сложенная из льдинок; армянка с художественными бровями выглядела из-за офисной дивы в очках, с тонким хищным носом и кроваво-красными губами... Вау! Действительно, в кадре это должно смотреться неплохо. И зрителям будет проще запомнить, кто есть кто, найти любимчиков и болеть за них. В том числе в прямом эфире, посылая платные сообщения...

Тут я не выдержала и рассмеялась в голос. Бедненькие зрители. У них-то будет иллюзия, что они влияют на отбор. Голосуют за кого-то, тратят деньги, пишут в чаты программы... бла-бла-бла. А все будет решено еще до того, как первый выпуск появится на экранах. Такая вот псевдоинтерактивность. А ведь они и правда верят в вес своего голоса... Потрясающая наивность, если в двадцать первом веке ты до сих пор залипаешь у экрана телика, вместо того чтобы перейти на Ютуб.

Тут кто-то крикнул «Жень!» и замахал мне руками с заднего ряда сидений.

Когда я добралась туда, то увидела свободное место как раз рядом с Барби. Во, точно, типаж «девушка-Бэмби» тоже присутствует, мысленно отметьте в записной книжке и распишитесь.

– Привет! – Кажется, она и вправду рада была меня видеть. – Ты тут как?

– Привет! Слушай, я так прониклась твоей историей... что не могла не попробовать.

– Гляжу, успешно попробовала.

– Сама не ожидала, прикинь?

– А я еще жалела... аааах... – сладко зевнула Бэмби, то есть Барби, – что контакты у тебя не взяла. Потом решила, что сначала сама занята буду, а потом как оно сложится...

– Те ж мысли были, – кивнула я. – Ты представляешь хотя бы примерно, что они от нас хотят сегодня?

– Чтобы мы мило выглядели в разноцветных фартучках и удобной одежде? – улыбнулась Барби. – Кстати, пока мы ждали автобус, я тут видела пару безумиц на шпильках.

– Ну, может, им так удобно, – я вспомнила вчерашние прогулки на каблуках и поморщилась. – Что там за дворец? Будем погружаться в атмосферу восемнадцатого века? Или какого?

– Жаль, что не семнадцатого, – пробормотал черный ворох дизайнерских тряпок на кресле через проход, а потом из-под капюшона показался очень, очень невыспавшийся бело-брысый эльф.

– Почему?

– Тогда можно было бы играть в мушкетеров. Чур, я Атос, пишу стихи и в целом возвышенная желчная тварь.

– Тогда я Арамис! – захлопала в ладоши Барби. – Самый смазливый и любит религиозные диспуты.

– То есть мне осталась роль Портоса... – задумалась я на секунду. – Всегда не прочь пожрать и дерется потому, что дерется. Немного по размеру недотягиваю, но в целом ок!

– А кто тогда д'Артаньян? Игорь какой-нибудь?

– Неее... – протянула я. – Д'Артаньян у нас будет наш возлюбленный миллионер. Подойдем такие к Александру и будем спрашивать: чего как в Гаскони дела? А не скажете ли нам, пожалуйста, «тысяча чертей»? Хотим одну гипотезу проверить...

И мы хором заржали.

Отсмеявшись, Барби вытерла глаза уголком платочка и сказала:

– А что, до финала можно договориться не валить друг друга, а, наоборот, помогать. Кажется, так больше шансов, чем действовать в одиночку. Ну... я так думаю.

– Один за всех! – выпалила я.

– И все сюда за деньгами, – припечатала Алла и зевнула, снова запустив цепную реакцию общей сонности. – Или за большой любовью?

– Веришь в сказки? – Барби смотрела так скептически, что было ясно: уж она-то – никогда.

– После неудачи с миледи как-то разочаровался, – подражая Атосу, улыбнулась Алла. – Давайте делать ставки.

– Сколько человек вылетит в этом туре?

– Не-а. Сколько времени нас продержат в автобусе перед тем, как выпустить на свободу.

– Часа два? – сделала ставку Барби.

– А ты, гляжу, в теме, – уважительно кивнула Алла.

В итоге она оказалась права. Когда нас наконец выпустили на дорожку перед дворцом, мне хотелось только одного. То есть двух. Одновременно прыгать, разминая затекшие ноги, и валяться на травке, просто потому что. Но вместо этого пришлось извлекать из сумки Инкин фартук и напяливать его на себя, создавая впечатление «домашней небрежности и утреннего уюта». Софиты уже зажглись, и шоу началось.

– Так-так-так... Девочки, девочки... Ты шаг вперед, ты два назад, а что это за пузико у нас, а у тебя что за личико такое – улыбку дома забыла? Попы подтянули, плечи расправили, что за линейка, как в детском саду! – Режиссер Иннокентий бегал перед нами, размахивал руками и в целом был похож на большого суетливого петуха, который загонял курочек в курятник. То есть в данном случае не загонял, а пытался поставить на газоне в «уютном художественном беспорядке, но так, чтобы это было красиво». Карман на его оранжево-красном пиджаке топорщился кружевным платочком, высветленная блестящая челка дрожала и подпрыгивала, пуская солнечные зайчики почище лакированных боти-

нок, и в целом Иннокентий выступал неким эталоном чрезмерной моды напоказ. Не удивлюсь, если именно по его совету Александру впарили золотой пиджак. Кстати, где он, ау? И пиджак, и сам красавчик?

Мы с Бэмби и эльфом украдкой зевали друг другу в плечо и планировали план-перехват. План по отлову миллионера, чтобы наречь его д'Артаньяном и озадачить неожиданными вопросами, обрастал все новыми и новыми деталями. Ну, нужно же как-то убивать время, когда тебя достают дурацкими инструкциями и все никак не дают приступить к тому, зачем мы, собственно, сюда прибыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.